

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2007

Содержание

1. ЧТО ТАК ГОНИТ-ПОДГОНЯЕТ?
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. КАК СОХРАНИТЬ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?
4. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
5. О Юзефе Чеховиче
6. КАК СЛЕДУЕТ ДАТЬ ВЕЩИ — СЛОВО!
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЧТО ТАК ГОНИТ-ПОДГОНЯЕТ?

Польская экономика давно уже не была в таком отличном состоянии. В 2006 г. рост ВВП составил 5,8% — огромное ускорение: еще за год до этого нам приходилось радоваться жалким 3,5%. В 2006 г. общий объем польского ВВП достиг 1046,6 млн. зл. (269,7 млн. евро), то есть впервые преодолел порог миллиарда злотых. Это немного больше, чем в Австрии, но все еще в 3,5 раза меньше, чем в Испании, сравнимой с Польшей по размерам. В нашей стране, по данным Евростата (статистической службы ЕС), ВВП на душу населения составляет около 7,1 тыс. евро, на 700 евро больше, чем в предыдущем году.

Много это или мало? Во всемирном масштабе мы принадлежим к зажиточным странам, но наш ВВП — это лишь 54% от среднего по Евросоюзу. Мы, правда, вырабатываем намного больше, чем болгары (3,1 тыс.) и румыны (4,5 тыс.), но другие государства ЕС нас обгоняют. В том числе и ближайшие соседи — венгры (8,9 тыс.), словаки (8,2 тыс.), чехи (11 тыс.). Со «старым» Евросоюзом нас и сравнивать не приходится: Ирландия — 40,9 тыс., Дания — 40,4 тыс., Германия — 28 тыс. евро на душу населения. Это другая лига.

Даже достижение нынешнего среднего показателя ЕС (24,5 тыс.) — задача на годы. В особенности потому, что мы имеем дело с «Польшей двух скоростей», причем это явление усиливается. Сегодня половина польского ВВП создается всего лишь в четырех из 16 воеводств: Мазовецком, Силезском, Великопольском и Нижнесилезском. Одно лишь Мазовецкое воеводство (главным образом Варшава) представляет собой сегодня такой же экономический потенциал, как вся Болгария. Остальные 12 воеводств производят вторую половину ВВП.

Стронулось

Часть аналитиков поспешно исправляет прогнозы в сторону повышения и обещает на 2007 г. 7 процентный рост польской экономики. Что же такого необычайного случилось с нашей экономикой, почему она стала развиваться в таком темпе? У экономистов нет сомнений: это результат совпадения ряда благоприятных обстоятельств. Они редко складываются одновременно, но на этот раз так случилось.

Во-первых, мировая экономика находится в неплохом состоянии и переживает стадию роста. Не оправдались мрачные предсказания кризиса, к которому должен был привести рост цен на нефть. Еще недавно господствовало убеждение, что вскоре цены поднимутся выше 100 долл. за баррель и это повлечет за собой новые неприятные для всего мира последствия. Однако оказалось, что цена нефти стабилизировалась на разумном уровне, и если не случится ничего особо драматического (например новой войны на Ближнем и Среднем Востоке), то она удержится в пределах 50–70 долларов. Сегодня мировую экономику тянут два огромных, быстро растущих «азиатских тигра» — КНР и Индия. Не оправдались (постучим по дереву!) и предсказания, что Америка впадет в рецессию. Это отразилось бы на всех странах мира.

После долгих недомоганий восстановила здоровье Япония, а это, хочешь не хочешь, вторая в мире экономическая держава. В неплохом состоянии и Евросоюз — он развивается в темпе 2,5% в год, быстрее всего за последние пять лет, в чем немалая заслуга принадлежит новым членам. Это для нас особенно важно, и не только потому, что мы член ЕС, но прежде всего потому, что страны Евросоюза — главный покупатель наших товаров и услуг.

Как закалялся экспорт

Экспорт — главный двигатель польской экономики. В прошлом году он вырос на 26%! Мы экспортировали товары и услуги на сумму 87,5 млрд. евро, из этого 77% пошло на рынки Евросоюза.

— Сегодняшние успехи польского экспорта — это частично результат тех трудностей, через которые польская экономика проходила в начале десятилетия, — объясняет Богдан Выжникевич. Сокращение внутреннего рынка заставило тогда польских предпринимателей повернуться к загранице. Это подтверждает статистика: экспортирует уже половина польских предпринимателей, а экономическое положение экспортеров намного лучше, чем у тех, кто придерживается исключительно отечественного рынка.

Столп польского экспорта — автопромышленность. Прошлогодние результаты этой отрасли производят впечатление: она обеспечила нам свыше 14 млрд. евро дохода, т.е. около 16% всего экспорта. Что еще важнее, в этой сфере у нас основательный положительный баланс — иначе говоря, мы больше вывозим за границу, чем ввозим оттуда. Разница составляет уже больше 6 млрд. евро. Экспортируем мы главным

образом легковые автомобили (38%). На втором месте — запчасти и компоненты (28%), на третьем — наша новая специальность, дизели (20%). Сегодня мы пожинаем плоды принятых в первой половине 1990-х разумных решений о приватизации и поддержке иностранных инвестиций. Сколько же тогда было гамлетовских сомнений и критических выступлений: мол Бельский завод легковых автомобилей отдаем «Фиату» чуть не задаром, а фирмы, пускающие в ход сборочные предприятия и пользующиеся таможенными и налоговыми льготами, будут паразитировать на польской экономике. Оказывается, за эти годы накопилась критическая масса. За «Фиатом» пришли следующие крупные производители — «Опель», «Фольксваген», «Тойота». За ними — их субподрядчики. Временные сборочные предприятия, создававшиеся поспешно, чтобы удовлетворить нужды разраставшегося во второй половине 90-х польского рынка, превратились в нормальные заводы. Сегодня 95% машин, производимых на польских заводах — а это около 700 тысяч в год, — выезжают за границу, потому что отечественный рынок, пережив спад в начале десятилетия, так от него и не оправился.

И вот парадокс: мы производим новые автомобили и отправляем их на рынки Евросоюза, но в то же самое время ввозим оттуда сопоставимое число подержанных машин. В прошлом году поляки ввезли в страну около 800 тыс. машин — большей частью из Германии, притом эксплуатировавшихся не меньше шести лет.

— Положение все еще далеко от нормального. На польском рынке полагалось бы продавать 600–700 тыс. новых автомобилей в год, а не 200–300 тысяч, как сейчас, — говорит Ромуальд Рытвинский, генеральный директор компании «GS-Опель-Польша». 94% «Опелей», производимых в Гливице (главным образом модель «Зафира») идут на иностранный рынок. Гливице выигрывает за счет высокого качества и более низких, чем в странах «старого» ЕС, производственных затрат. И, конечно, за счет близости субподрядчиков, работающих в Чехии и Венгрии, так как это снижает расходы на транспортировку и складирование.

Так же обстоят дела и у других автомобильных фирм: «Фольксвагены» — «Кадди» и «Транспортер» — с завода в Познани (по последнему «списку 500» «Политики» этот завод — экспортный рекордсмен) прекрасно продаются в Западной Европе. Так же, как и «Фиаты-Панда», производимые в Тыхах. У итальянцев давно не было такой удачной модели. Вскоре там

вдобавок будет запущено производство маленького «Фиата-500». Машины Варшавского завода легковых автомобилей продаются на Украине и в России. Большим успехом пользуются автобусы «Солярис» из Болехова. В прошлом году фирма супругов Ольшевских экспортировала 367 автобусов. Это 80% продукции завода «Solaris Bus&Coach».

Усаживайтесь, пожалуйста

Польский экспорт меняется. Нас уже не преисполняют гордостью миллионы тонн каменного угля, который вывозился по цене ниже производственных затрат. Правда, уголь мы продолжаем экспортировать (в прошлом году компания «Венглококс» [«Углекокс»] вывезла 15 млн. тонн угля за 166 млн. евро), но к счастью — все меньше. Зато мы стали четвертой страной в мире по экспорту мебели — позади КНР, Италии и Германии. Наша специальность — «стулья и мебель для сидения».

Мебельщики горды: они создают уже 2% польского ВВП и экспортируют большую часть своей продукции. С 1989 г. экспорт польской мебели вырос в 30 раз. Если бы еще не было трудностей с деревом, вздыхают они. Такие фирмы, как «Правда» из Олеска, которая 80% экспортирует в сеть «Икеа», или «Новый стиль» из Кросно, который недавно открыл свой салон в Лондоне, — прямые, годящиеся для учебника примеры спасительного действия экспорта. Они пустились за границу в начале десятилетия, когда падение конъюнктуры удушил жилищный рынок.

Поддержкой польского экспорта стала и сельскохозяйственно-продовольственная отрасль. По ней еще нет окончательных результатов за 2006 г., но доходы наверняка превысят 8 млн. евро. Мы завоевываем мировые рынки кондитерскими изделиями (пряники, вафли), соками (особенно яблочным), мясом, сырами, шоколадом, замороженными фруктами.

Однако нам не следует впадать в самодовольство, потому что другие экспортируют еще больше. Это особенно заметно, если сравнить показатели объема экспорта на душу населения. В 2005 г., когда мы радовались, достигнув результата 1883 евро, венгры и чехи приближались к пяти тысячам. А это страны, с которыми мы еще можем сравниться. Потому что со «старым» ЕС — уже не можем. Голландия, например, в этом году экспортировала продовольствия — в пересчете на душу населения — на 20 с лишним тысяч евро.

Наше продовольствие попадает главным образом на самые крупные рынки «старого» Евросоюза с подавляющим преобладанием немецкого. Туда идет 27% польского экспорта, в то время как в следующую за Германией Францию — только 6%.

Наша экспортная зависимость от Германии — результат ее масштабов (немецкая экономика составляет 30% всей экономики зоны евро), географической близости (для многих малых фирм в западной части Польши Германия стала естественным рынком сбыта), но еще и немецких капиталовложений в Польшу, которые тесно связывают наши страны. К счастью, положение постепенно выравнивается, и доля немецкого рынка в польском экспорте снижается (за последние пять лет — на восемь пунктов). Растет также, что заслуживает внимания, экспорт в Россию, притом несмотря на плохие политические взаимоотношения. Сейчас это, с точки зрения оборота, шестой рынок сбыта для наших продуктов (свыше 13 млрд. злотых).

Большие покупки

Несколько лет экспорт тянул польскую экономику. Благодаря этому она в неплохих условиях пережила трудный период. Теперь, однако, удалось запустить и второй двигатель — внутренний спрос. Из месяца в месяц мы покупаем все больше. Обычные граждане — потребительские товары. Предприятия — инвестиционные. Хотя эти покупки ведутся в разных местах, обе формы спроса тесно связаны.

— Первые сигналы, свидетельствующие о необходимости капиталовложений, появились в польской экономике уже к концу 2002 года. Однако польские предприниматели необычайно осторожны — они ждали до последнего момента. Всё по-настоящему стронулось с места только в 3-м квартале 2006 г., — объясняет Малгожата Кшиштошек.

Здесь мы имеем дело с элементом естественного конъюнктурного цикла, в котором сначала делаются капиталовложения, а потом они должны с прибылью отработать затраченные на них средства. Фирмы, особенно с отечественным капиталом (иностранцы действуют по более строгим стандартам), затягивают период эксплуатации машин и оборудования за пределы разумного, до полного изнашивания. Сегодня их средний износ составляет 50–60%. А это означает, что многие из них уже близки к технической смерти. Это снижает качество и конкурентоспособность продукции. А кроме того, создает опасность для нас, рядовых

граждан, так как среди самого изношенного оборудования — транспортное, т.е. грузовики и автобусы.

Сегодня так дальше продолжаться не может, поэтому предприниматели в прошлом году массово кинулись делать покупки. Готовились они к этому давно, накапливая деньги. Банковские вклады предприятий в последние годы росли в быстрых темпах. Половина средств пошла на новые машины и оборудование, 30% — на здания, а 20 — на транспортные средства. Капиталовложения в основные средства производства подскочили с 5,8% ВВП в 2005 г. до 16% годом позже. Это неплохо, хотя еще далеко от стандартов современной экономики, где доля капиталовложений доходит даже до 30% ВВП.

Поляк — оптимист

В прошлом году в экономику наконец влилось немало денег, которые начали ее стимулировать. Рост спроса привел к созданию новых рабочих мест. Предприниматели начали искать рабочую силу, потому что за это время немалая ее часть уехала работать в страны ЕС. Тем, кто остался в Польше, надо было платить больше.

— Мы наблюдаем рост требований в области зарплаты, а также меньшую привязанность к работе. Многие поступают на работу с мыслью, что вскоре найдут что-нибудь получше и уйдут в другое место, — говорит Лешек Ямёлковский, вице-президент компании «Биск», производящей оборудование для ванн. (Его, однако, радует быстро растущий отечественный рынок. Видно, что поляки взялись за модернизацию жилья.)

В 2006 г. начисленные зарплаты (за вычетом инфляции) выросли в польской экономике на 4%. Этот процесс продолжается и даже ускоряется. Это, в свою очередь, начало раскручивать конъюнктуру в сфере потребительских благ. Растущие доходы и легкость устройства на работу поднимают показатель т.н. потребительского оптимизма. Более уверенные в своем будущем, мы легче берем кредиты. А это в свою очередь старательно используют банки, предлагая нам — в том числе и лицам с довольно скромными доходами — десятки новых возможностей влезть в долги. Низкая инфляция и снижение процентов побуждают брать кредиты. Из месяца в месяц мы одалживаем все больше: в октябре прошлого года — 3,1 млрд. зл.; в ноябре — 3,5; в декабре — четыре миллиарда. В общей сложности это составило уже свыше 150 млрд. злотых.

— В последние годы мы наблюдаем в наших опросах рост потребительских требований и зажиточности поляков. По нашей оценке, зажиточность семей растет в два раза быстрее, чем ВВП. Видно, наш народ хорошо справляется со своими делами, — говорит социолог профессор Януш Чапинский, возглавляющий коллектив «Социальный диагноз», проводящий ежегодные опросы общественного мнения.

По данным Я.Чапинского, мы тратим гораздо больше, чем зарабатываем. Тайна лежит в теневой экономике, т.е. различных формах незарегистрированной и не облагаемой налогами хозяйственной деятельности. По его оценке, в ней работает около полутора миллионов человек. ГСУ оценивает их доходы в 14,4% ВВП (а эксперты Всемирного банка — вдвое больше).

Мечта о собственном жилье

Предметы мечтаний поляка неизменны: собственная квартира и машина. С машиной дело обстоит просто. Подержанный автомобиль из тех, что массово ввозятся из-за границы, общедоступен. Купить его сегодня может практически каждый, даже тот, кто потом не будет знать, как достать денег на бензин. С квартирами дело обстоит хуже. Во взрослую жизнь входит поколение демографического пика рубежа 70–80 х, которое ищет свой угол. Другие люди в недвижимости видят хорошее капиталовложение. Жилищные кредиты растут ошеломляюще: за последние десять лет кредиты, взятые на покупку жилища, выросли в 80 раз! — с миллиарда злотых в 1997 г. до 81 млрд. в январе 2007 го. Растут и обороты строительных фирм. СМИ постоянно твердят о жилищном буме. Яцек Белецкий из Польского союза девелоперских фирм смотрит на это более скептически:

— Говорить о буме — преувеличение. Растущие обороты строительной отрасли — это главным образом результат растущих цен. Достаточно поглядеть на статистику квартир, сдаваемых в эксплуатацию. Никакого роста — скорее застой.

В действительности с жильем творится что-то странное. В 2006 г. сдано в эксплуатацию ненамного больше квартир, чем в 2005 м. Рост со 114 до 115 тыс. квартир (всего на тысячу!) не производит впечатления. Даже если добавить неопределенное число квартир, строящихся хозяйственным способом, или фактически заселенных, хотя формально и не сданных в эксплуатацию, все равно трудно говорить о буме.

Как это может быть? У поляков же самые плохие жилищные условия во всем Евросоюзе. Как установил Центр изучения и анализа рынка SAM, всего лишь каждый третий поляк живет в условиях, отвечающих европейским жилищным стандартам. У нас самые маленькие квартиры в Европе: средняя площадь — 69 квадратных метров (ЕС — 75 кв. м). Перенаселение — явление общераспространенное, 35% населения живет в условиях ниже стандартных.

Белецкий долго перечисляет причины, по которым разговоры о жилищном буме — всего лишь языковое упрощение. Девелоперская отрасль продолжает бороться с прежними трудностями. Барьером служат отсутствие планов пространственного развития, фактическая ликвидация государственной помощи тем, кто вкладывает капитал в собственную квартиру, запутанные процедуры. Оказывается, правительственная программа строительства трех миллионов квартир — мечта, далекая от реальности.

Все это приводит к тому, что на жилищном рынке мы встречаемся с типичным барьером предложения: строится гораздо меньше квартир, чем нужно. При резко растущем спросе это может вызвать единственную реакцию — быстрый рост цен. Цены взвинчивает прежде всего отсутствие земельных участков, а вдобавок другие объективные факторы — дорожающие стройматериалы (в особенности сталь и стекловата) и нехватка рабочих рук.

— Когда начнется строительство автострад, трудности со стройматериалами станут драматическими. Уже сегодня достать гравий бывает крайне трудно, — объясняет Яцек Белецкий. По его мнению, ситуация развивается в опасном направлении и может привести к кризису. Рост зарплаты приведет к росту инфляции. Это заставит Совет монетарной политики повысить учетные ставки. Возрастут затраты на кредит, не все сумеют справиться с его выплатой, тем более что банки упростили формальности при выдаче кредитов. Многие молодые люди окажутся отрезанными от возможности приобрести собственную квартиру и уедут за границу. В трудном положении могут оказаться девелоперы, которые останутся с недостроями на руках, так как не будет хватать денег, рабочей силы и клиентов. Это вызовет волну банкротств. Так выглядит мрачный сценарий, если в вопросе жилищного строительства ничего не изменится.

Экономисты смотрят на это спокойнее. Они считают, что спрос породит предложение, хотя это затянется надолго: в жилищном вопросе не спасешься импортом. Они уже замечают

первые положительные сигналы: растет число выданных разрешений на строительство. Пока что в повышении цен на квартиры они видят некоторую гарантию, защищающую польскую экономику от растущей инфляции, естественной в периоды быстрого развития. Благодаря тому, что дорожают квартиры, другие цены остаются довольно устойчивыми. Жилищный рынок — как губка: он впитывает излишек наличных денег.

Горячее «made in EU»

Двигатели польской экономики работают на высоких оборотах. Использование производственных мощностей перевалило за 80%, а в некоторых фирмах (например у экспортеров) достигло 86%. В 2006 г., как подсчитало ГСУ, прибыль (финансовый результат нетто) предприятий возросла на 35%.

Все двигатели в значительной мере используют европейское горячее. Резкий рост 2006 г. экономисты называют вторым европейским шоком. Первый произошел в 2004 г., когда мы вступили в ЕС. Перспектива меняющихся предписаний и неуверенность, не станет ли в новой действительности всё дороже, многих предпринимателей толкнула к поспешным капиталовложениям, а обычных поляков — к закупкам. Это стимулировало экономику, но на короткий срок. На протяжении 2005 г. мы осваивались с нашим местом в Евросоюзе и изучали новые возможности. Наконец в 2007 м всё тронулось с места. Мы уже лучше умеем управляться с европейской действительностью.

Вопреки тому, что может показаться, речь тут идет исключительно о деньгах из программ помощи и структурных фондов ЕС, которые вливаются в польскую экономику. Это важный (70 млрд. евро за несколько лет), но преходящий фактор. Их нужно разумно инвестировать (с этим у нас, похоже, есть известные трудности), но нельзя строить на них наше будущее. Кроме того, речь идет не о прямых дотациях, которыми пользуются польские крестьяне, хотя и этот вид помощи имеет положительное воздействие. Первые исследования показывают, что эти деньги идут не на текущее потребление — немалая часть крестьян рассматривает их как средства на капиталовложения. Это хороший признак, так как в польском сельском хозяйстве таится крупный неиспользованный потенциал.

Самую большую дозу энергии вливает в нашу экономику общий европейский рынок. Без пошлин, без барьеров, без ограничений. Не оправдались страхи некоторых политиков,

опасавшихся, что Евросоюз нуждается в Польше исключительно как в рынке сбыта для своих товаров. Оказывается, наоборот: страны ЕС ждут наших товаров, услуг, рабочей силы. Динамика роста экспорта намного выше импорта. Это дает разгон экономике, создает рабочие места (сегодня четверть всех работающих создает блага, предназначенные исключительно на экспорт), стимулирует капиталовложения и потребительский спрос. К тому же участие в общем европейском рынке привлекает в Польшу западных инвесторов — только за прошлый год они вложили в нашей стране капиталов на 14 с лишним миллиардов злотых. Благодаря экспорту и капиталовложениям растут польские валютные резервы. Они уже достигли 46,7 млн. долларов и близки к резервам, которыми располагают США. Это важный элемент экономической безопасности государства.

Наш козырь — большой внутренний рынок, близость Германии и более низкие производственные затраты. Для фирм из стран, не входящих в Евросоюз, дополнительным стимулом оказывается то, что, инвестируя в Польшу, они получают статус предприятия ЕС и доступ ко всему европейскому рынку. Надо, однако, не забывать, что тот же результат можно получить, выбирая Венгрию, Словакию, Чехию и все остальные страны — новых членов ЕС. Мы должны создавать лучшие условия для капиталовложений, а это у нас не всегда получается. В 2005 г. объем прямых иностранных инвестиций составлял 2,1% нашего ВВП, в то время как в Венгрии этот показатель составил 3,9%, в Чехии — 4,8%, а в Эстонии — целых 12,8%.

И все-таки у нас есть успехи — например, недавно мы выдвинулись на ведущее место в Европе по производству современных телевизоров, так как нашу страну приглядели азиатские электронные концерны. С тех пор как мы стали полноправным членом ЕС, они инвестируют у нас без опаски, потому что знают как правила игры ЕС, так и то, что от безумий польских политиков их защищает законодательство ЕС, Европейская комиссия, а в крайнем случае — Европейский суд. Это резко ограничивает самый серьезный риск, который следует учитывать при расчете капиталовложений. Разумеется, полностью от него не избавиться, о чем свидетельствуют примеры голландской компании «Eureko», которая инвестировала в сеть страховых компаний, а сегодня ведет спор с государственным казначейством, или концерна «Arcelor Mittal», чей договор о покупке акций «Польских сталелитейных заводов» тоже начали подвергать сомнению.

Свистать всех наверх!

2007 год нам наверняка удастся проехать, продолжая выжимать газ. В следующем году темпы могут упасть. Оставаясь в рамках автомобильных сравнений, мы достигли момента, когда можно было бы переключиться на следующую скорость.

— Случай нам сегодня представляется неповторимый, — убежденно говорит проф. Лешек Зеньковский из Польской Академии наук. — Мы можем толкнуть польскую экономику на более высокий уровень роста.

Для этого, однако, нужна политическая готовность, а ее не видно (если не считать пропагандистских деклараций). Откладывается реформа государственных финансов и приватизация, сохраняются бюрократические барьеры (ответом на часть этих проблем должен стать мифический «пакет Ключки»*), сохраняются высокие затраты на рабочую силу (помимо зарплаты) — все это ограничивает возможности развития. Найти высококвалифицированную рабочую силу становится все труднее.

В последнем международном опросе фирмы «Грант Торнтон» на тему предпринимательства 34% польских фирм сигнализировали трудности с наймом работников. Заметим, что это происходит при 14,4% зарегистрированной безработицы и исключительно высокой доле неработающих в продуктивном возрасте (14,394 млн., т.е. 46%). Поэтому многие эксперты сомневаются в точности данных о безработице — они наверняка завышены по крайней мере на несколько процентов. Это следствие теневой экономики и выездов на работу за границу. Часть этих лиц продолжает регистрироваться безработными. Наряду с этим у нас стоит проблема структурной безработицы — людьми, давно остающимися без работы и не ищущими ее. Это проблема социальная, потому что эти люди обычно не располагают никакой квалификацией, требующейся на трудовом рынке.

Трудности с рабочей силой приводят к тому, что растет натиск требований о повышении зарплаты. А повышение зарплаты неизбежно ведет к росту инфляции и социальной напряженности. Уже сегодня председатель «Солидарности» Януш Снядек уверяет, что раз конъюнктура взвинчивается внутренним спросом, то работникам следует платить больше, потому что тогда они будут больше тратить. А это еще больше взвинтит конъюнктуру — и т.д. Этакое экономическое перпетуум мобиле. Другая профсоюзная конфедерация уже

начала кампанию под лозунгом: «Кто украл твои 36%? Ты работаешь на 43% производительнее, а зарабатываешь на 7% больше!» Союз предпринимателей «Левиафан» пытается доказать, что профсоюзный лозунг содержит фальсифицированные данные: динамика роста производительности труда и роста зарплат примерно одна и та же. Профсоюзников это вряд ли убедит.

Министерство экономики недавно представило тревожный доклад о результатах массовой трудовой эмиграции поляков. Авторы обращают внимание на то, что это явление выгодно прежде всего странам, принимающим рабочую силу. Для Польши оно означает соответствующие потери, которых не компенсируют деньги, присылаемые из-за границы оставшимся в Польше семьям. По вероятностным подсчетам, исходящим из того, что в 2006–2010 гг. уедет миллион человек, в т.ч. 400 тысяч в Германию, 500 — в Англию, а остальные — в другие страны, выходит, что благодаря этому британский ВВП вырастет на 1,1%, а немецкий — на полпроцента. Потери потенциального польского ВВП составят 3,5% в год.

Трудовая эмиграция будет усиливать и без того серьезные демографические трудности. Выезжает главным образом молодежь (60% — мужчины), что может еще сильнее нарушить и так уже хрупкое равновесие между людьми в продуктивном и пенсионном возрасте. Иначе говоря, будет все больше лиц, получающих пенсии, и все меньше — платящих пенсионные взносы.

Хотя двигатели работают на высоких оборотах, мы едем на тормозе. Нынешняя коалиция представляет этатистское и популистское направление. Для экономики это опасная смесь. Сосредоточенность на трате еще не заработанных денег, идеи ограничения хозяйственных свобод (хотя бы в торговле) и создания все новых контрольных органов, напряженные международные отношения, затрудняющие деятельность экспортеров, конфликты с Евросоюзом, неясная процедура люстрации, которая может усложнить деятельность биржевых компаний, фирм СМИ и финансового сектора, — вот лишь некоторые примеры жгучих вопросов. К этому прибавляются небезопасные экономические решения: кадровая карусель в компаниях Государственной казны, сохранение государственной монополии, особенно в секторе горючего и энергетики.

Польская экономика пока что проявляет поразительную сопротивляемость политике. Однако полностью не испытывать ее влияния она не может. Согласно опросам фирмы «Грант

Торнтон», 54% предприятий оценивают политическое положение негативно, а среди экспортеров — даже 63%. Это серьезные тревожные сигналы.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Вчера по всей стране отмечалась 216 я годовщина принятия Конституции 3 мая. В ознаменование этого события прошло совместное заседание парламентов Польши и Литвы. Оба парламента «почтили память поляков и литовцев, создателей Конституции 3 мая, которая стала наследием Речи Посполитой Обоих Народов, основанным на гражданских правах и свободах». Президент Лех Качинский наградил около 80 человек, отличившихся в борьбе за независимость страны и в развитии национальной культуры, а также вручил приказы о производстве в генералы. Президент подчеркнул, что среди награжденных есть люди левых, центристских и правых взглядов. «Так бывает в нормальном государстве. Ибо Польша одна, а заслуги перед ней можно иметь, исходя из разных убеждений», — сказал Лех Качинский». («Жечпосполита» и «Газета wyborcza», 4 мая)

• «Вчера, в 64 ю годовщину восстания в варшавском гетто, президент Лех Качинский возложил цветы к памятнику Героям гетто (...) «Это было важное событие в истории польских евреев и Польши. Я приезжаю сюда каждый год уже много лет подряд, независимо от занимаемой должности», — сказал президент». («Дзенник», 20 апр.)

• «Тысячи свечей зажгли вчера люди на улицах, по которым проходила граница варшавского гетто (...) «Мы должны чтить память тех, кто во время войны составлял 30% населения Варшавы», — сказал раввин Барт Шуман (...) Против немцев восстало меньше тысячи плохо вооруженных людей. Они сражались до 16 мая. До сих пор жив последний предводитель восстания Марек Эдельман, который принял участие во вчерашних торжествах». («Жечпосполита», 20 апр.)

• «Мы, поляки, должны провожать его в последний путь не иначе как с уважением и благодарностью. Вчера от сердечного приступа умер первый президент России. Ему было 76 лет (...) Время правления бывшего партийного функционера, затем бунтовщика и наконец почти царя стало периодом расцвета в России демократии и свободы. Он умел относиться с уважением и к первой, и ко второй». («Газета wyborcza», 24 апр.)

- Лех Валенса: «Я уважал Ельцина и восхищался им. Думаю, мир еще не вполне оценил ту роль, которую он сыграл (...) Именно ему Польша и Европа обязаны своим нынешним положением». Президент Лех Качинский: «Поляки с глубокой скорбью восприняли известие о смерти Бориса Ельцина. Россия и мир потеряли выдающегося политика, но сегодня он вошел в историю. В нашей стране жива память о его заслугах в деле строительства новой России, о его роли в Европе и мире, а также в создании новых стандартов польско-российских двусторонних отношений». («Жечпосполита», 24 апр.)

- «Ельцин посетил Польшу только один раз — в 1993 году. Однако он никогда не считал нашу страну враждебной. В начале периода его правления польские реформы даже представлялись в российских СМИ как пример для подражания. В области польско-российских отношений крупнейшими заслугами Ельцина стали вывод российских войск из Польши и передача Польше документов, касающихся катынского преступления (...) «Ельцин вернул Россию миру и в то же время открыл ей мир, помог узнать его», — сказал бывший министр иностранных дел Стефан Меллер». («Дзенник», 24 апр.)

- «Бывший президент Лех Валенса будет представлять Польшу на похоронах первого президента России». («Жечпосполита», 25 апр.)

- «Это был второй визит премьер-министра Ярослава Качинского в Брюссель (...) «К счастью, я мог рассказать комиссарам об успехах, больших успехах, которых мы добились (...) Многие еще предстоит сделать, но мы начинаем ускоряться, и этим мы обязаны нашему членству в ЕС», — сказал польский премьер. Баррозу тоже (...) хвалил достижения Польши и евроэнтузиазм поляков». («Газета wyborcza», 19 апр.)

- «До конца первого квартала 2007 г. Польша получила из Брюсселя в общей сложности более 13,02 млрд. злотых, т.е. почти 39% всех денег, выделенных на период 2004–2006 гг. (их можно использовать до конца 2008 г.). Этим, в частности, объясняется, почему польская экономика развивается быстрее всего за почти десять лет: в 2006 г. экономический рост составил 6,1% (...) Прошлый год стал также рекордным по притоку прямых иностранных инвестиций (14,7 млрд. долларов) (...) В течение трех лет уровень безработицы снизился с 19,5% в мае 2004 г. до 14,4% в марте текущего года». («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)

- «Лодзь занимает первые места в составляемых банками рейтингах инвестиционной привлекательности, получает все

более высокие кредитные рейтинги, притягивает западные концерны (...) Лодзь наконец-то становится городом с приличной гостиничной базой, хорошими ресторанами и неповторимой атмосферой отреставрированных старых домов и довоенных фабрик (...) По злой иронии ревитализация «красной» или «рабочей» Лодзи идет под руководством Ежи Кропивницкого — одного из лидеров уже не существующего Христианско-национального союза и многолетнего министра в [правых] правительствах Яна Ольшевского, Ханны Сухоцкой и Ежи Бузека (...) В ноябре 2006 г. он был избран президентом [мэром] Лодзи на второй срок». («Впрост», 15 апр.)

- «Спрос на землю огромен, а свободных участков на рынке нет (...) В последние несколько месяцев цены растут на 2,5–3% в месяц (...) Средняя цена гектара земли, продаваемой Агентством сельскохозяйственной недвижимости (...) составляет 7374 злотых (...) При покупке частным образом цены могут быть даже в полтора раза выше, и ничто не предвещает, что они будут падать (...) Очереди желающих купить землю выстраиваются по всей стране». («Жечпосполита», 12 апр.)

- «По данным Агентства сельскохозяйственной недвижимости, к концу 2006 г. иностранцы имели в собственности 1303 га земли. Больше всего они приобрели в Западно-Поморском воеводстве». («Жечпосполита», 20 апр.)

- «Число нелегально работающих в Польше иностранцев осторожно оценивается в 100–300 тыс. человек, однако неофициально Всепольский центр занятости подозревает, что в сезон их может быть почти миллион. Подавляющее большинство — это украинцы, хотя ежегодно они получают не более трех тысяч разрешений на работу». («Газета wyborча», 28–29 апр.)

- «По данным Главного статистического управления (ГСУ), за последние 12 месяцев наши зарплаты выросли на 9,1%». («Политика», 28 апр.)

- «Совет монетарной политики повысил процентные ставки на 0,25 процентного пункта. Это должно охладить экономику и сдержать инфляцию». («Тыгодник повшехный», 6 мая)

- «Согласно опросу ЦИОМа, поляки все больше ценят свое членство в ЕС. Сторонники Евросоюза составляют 86% опрошенных, в то время как в апреле 2004 г, накануне вступления, это решение поддерживали только 69%». («Жечпосполита», 28–29 апр.)

- «Ефрейтор Томаш Юра стал 25 м поляком, погибшим в ходе польской миссии в Ираке». («Жечпосполита», 23 апр.)
- «Как сообщил министр национальной обороны, польские солдаты задержали двух мужчин, подозреваемых в установке мины-ловушки, от взрыва которой погиб ефрейтор Томаш Юра». («Жечпосполита», 5-6 мая)
- «Испанский Сенат выразил протест в связи с законопроектом, лишающим польских участников гражданской войны в Испании ветеранских льгот (...) Законопроект, лишающий привилегий бывших бойцов бригады им. Домбровского, внесли в январе депутаты «Права и справедливости» (ПиС) (...) Во время испанской гражданской войны 1936-1939 гг. на стороне республиканского правительства (...) сражалось около 5 тыс. польских добровольцев. В составе интернациональных бригад они создали несколько боевых соединений — в частности, бригаду им. Ярослава Домбровского». («Газета wyborcza», 19 апр.)
- «В Перемышле отмечалась очередная годовщина операции «Висла» с участием более десяти тысяч человек из Польши и с Украины. Операция «Висла» была проведена в 1947 году (...) В течение трех месяцев более 160 тыс. человек (главным образом украинцев и лемков) были выселены в западные и северные воеводства. Кроме того, для схваченных членов и сочувствующих Украинской повстанческой армии (УПА) и Организации украинских националистов (ОУН) был создан лагерь. Туда попали 4-6 тыс. человек (...) из которых 160 умерли от тяжелых условий и пыток. Государство конфисковало имущество переселенных, собственность греко-католической Церкви и украинских организаций». («Дзенник», 30 апр. — 1 мая)
- «Лех Качинский и Виктор Ющенко подписали в Варшаве совместное заявление, в котором выразили свое мнение относительно операции «Висла» (...) Они пришли к общему выводу, что ответственность за нее несет тогдашний режим и что в последние годы обе страны добились «огромных успехов на пути к примирению»». («Жечпосполита», 28-29 апр.)
- Президент Виктор Ющенко: «История оставила нам много вопросов (...) Я благодарен (...) президенту Польши, польским гражданам за возможность почтить те печальные события 40-х годов». («Газета wyborcza», 28-29 апр.)
- «Уже в 16-й раз из бывшего концлагеря Аушвиц в Биркенау вышел «Марш живых». Пять с половиной тысяч молодых

евреев из 18 стран мира и полторы тысячи польских школьников и студентов почтили память жертв Катастрофы (...) Вместе с молодежью в марше приняли участие бывшие узники, а также представители властей Израиля и Польши. Во главе израильской делегации шел министр Рафи Эйтан, легендарный агент «Моссада», который в 1960 г. руководил операцией по поимке в Аргентине нацистского преступника Адольфа Эйхмана». («Жечпосполита», 17 апр.)

- «К шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года и к штрафу в размере 600 злотых приговорил вчера краковский суд Йоанну В. за распространение книги Адольфа Гитлера «Майн кампф» (...) В июне 2005 г. нелегально напечатанная книга продавалась в Кракове». («Дзенник», 24 апр.)

- «Президенты Польши и Грузии Лех Качинский и (...) Михаил Саакашвили открыли в музее Варшавского восстания (...) грузинский памятник. До II Мировой войны в польской армии служило около двухсот грузинских офицеров (...) Удалось установить имена восьми грузин, участвовавших в восстании (...) Четверо из них погибли». («Газета wyborcza», 11 мая)

- «Открытие и освящение Польского военного кладбища в узбекском городе Гузар завершило процесс восстановления кладбищ солдат Польской армии генерала Владислава Андерса — одиннадцати в Узбекистане и двух в Казахстане (...) Организационный центр армии размещался как раз в Гузаре (...) От болезней и истощения умерло почти 3,5 тыс. солдат и в несколько раз больше гражданских лиц, особенно детей. Точного числа не знает никто (...) Умерших хоронили в безымянных братских могилах». («Политика», 21 апр.)

- Из интервью с проф. Натальей Лебедевой: «В Польше распространено мнение, что в отношении Катыни Россия продолжает что-то скрывать. Между тем, если посмотреть на это с научной точки зрения, то все возможные материалы уже были опубликованы и обработаны. Это сделали совместно польские и российские историки (...) За последние 15 лет российские власти многократно давали понять, как они оценивают катынское преступление (...) Конечно, россияне должны помнить о Катыни, сожалеть о том, что произошло, и просить прощения. Но в то же время меня огорчает, когда другая сторона, вместо того чтобы хранить память об этом преступлении, пытается требовать от России все новых извинений (...) Польские политики иногда переходят границы. Впрочем, российские — тоже. В людях с националистическими

отклонениями нет недостатка ни у нас, ни у вас». («Газета выборча», 23 апр.)

• ««Ликвидация коммунистических памятников должна осуществляться с дипломатическим тактом, а не в приступе истерии», — сказал архиепископ Вроцлавский Мариан Голембёвский. Так архиепископ прокомментировал слова министра культуры, сообщившего о разработке закона, который позволит очистить города от символов иноземного господства». («Дзенник», 2–3 мая)

• Александр Гурьянов, руководитель Польской комиссии общества «Мемориал»: «Российскому общественному мнению тяжело согласиться с мыслью, что «солдат-освободителей», которые, как считают в России, проливали кровь на полях сражений с фашизмом, считают оккупантами». («Жечпосполита», 8 мая)

• Согласно опросу ГфК «Полония», 60% поляков выступают против устранения памятников Красной Армии. 2% опрошенных хотят провести отбор и оставить только избранные. 30% хотят ликвидировать все. («Жечпосполита», 11 мая)

• Каждый год 2 ноября [в День поминовения усопших] о. Юзеф Санак молится на кладбище солдат Красной Армии в Бельско-Бяле: «Почему я это делаю? Из уважения к тем братьям, отцам и сыновьям, которые не вернулись домой с войны. На эти богослужения всегда приходит молодежь. Кладбище, на котором покоятся останки 11 тысяч солдат, — это место, показывающее, как ужасна война (...) Мы всегда приглашаем на кладбище российского генерального консула из Кракова (...) Как-то раз он даже привез мне бутылку русской пшеничной водки. «Это в знак благодарности за то, что вы на кладбище обращаетесь к молодежи», — объяснил он. Консул сменился, и в прошлом году никто от них на кладбище уже не пришел». («Газета выборча», 11 мая)

• «Если кому-нибудь в Польше мешает памятник советским солдатам, то Михал Сабадах охотно возьмет его в свой музей (...) 64 летний поляк, переживший ссылку в Сибирь, основал его в Унеевицах близ Злоторыи (...) в 1997 году (...) «Я ненавижу коммунизм, но русских люблю. Хочу спасти от забвения кусочек нашей общей истории. Ликвидация памятников не изгладит ее из памяти», — объясняет Сабадах. Множество сувениров оставили ему сами советские солдаты, когда покидали легницкие казармы (...) Вместе с товарищами из Союза солдат Народного Войска Польского он разыскивает

следы Красной Армии. Два года назад они наткнулись на остов танка, человеческие останки и орден в форме звезды. С помощью российского посольства удалось установить личность солдата. Вчера российское телевидение НТВ разыскало его семью в Грузии. Через несколько дней Михал Сабадах выезжает на встречу с ней». («Жечпосполита», 11 мая)

• «Вчера супруги президентов Леха Качинского и Владимира Путина (...) открыли в Санкт-Петербурге Польшский дом (...) «Я вдвойне тронута, поскольку в Петербурге родилась моя мама», — сказала Мария Качинская. «Ведь культура нас объединяет», — добавила Людмила Путина. По окончании церемонии состоялся совместный обед». («Дзенник», 14 мая)

• «Тридцать российских и четверо польских сотрудников правоохранительных органов участвуют в совместных курсах повышения квалификации, организованных экспертами Европола в Легионове близ Варшавы (...) Среди участников — сотрудники Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, МВД РФ, а также полицейские из [польских] Центрального следственного бюро, Центрального криминалистического бюро и Главной комендатуры полиции (...) По окончании курсов их ждет экзамен, который будет принимать комиссия экспертов Европола». («Дзенник», 18 апр.)

• «К срокам лишения свободы от десяти месяцев до одного года и трех месяцев приговорил вчера варшавский суд трех молодых мужчин, которые в 2005 г. избили четверых детей российских дипломатов и отобрали у них телефоны (...) Инцидент вызвал кризис в отношениях Польши с Россией. В результате были избиты наши дипломаты и корреспондент «Жечпосполитой» в Москве». («Жечпосполита», 24 апр.)

• «Четверо бывших офицеров Военной информации [армейской госбезопасности], обвиненных в издевательствах над офицерами Войска Польского (...) приговорены к лишению свободы от 14 месяцев до двух лет (...) Это Мариан Попёлек, Казимеж Турчинский, Збигнев Краузе и Чеслав Свистек (...) Суд пришел к заключению, что с 1949 по 1952 г. они жестоко обращались с арестованными генералами Станиславом Татаром, Стефаном Моссором, Юзефом Куропеской и полковником Марианом Утником, желая добиться от них признания в том, что они были членами несуществующей армейской шпионско-диверсионной организации и занимались агентурной деятельностью в пользу западных государств (следствие курировал полковник Антоний Скульбашевский, советский офицер и начальник главного

управления Военной информации)». («Газета wyborcza», 20 апр.)

- «На открывшейся в Торунь выставке фотографий, представляющих сотрудников торуньской госбезопасности, за порядком следит охранная фирма, принадлежащая бывшему сотруднику этой службы. А на одной из выставленных фотографий изображен он сам (...) В 80-е годы он был членом специальной группы СБ, которая похищала торуньских деятелей «Солидарности», пыталась их и угрожала им смертью» («Дзеньник», 5-6 мая)

- «Институт национальной памяти (ИНП) подал в Варшавский районный суд обвинительное заключение против лиц, ответственных за введение в Польшу военного положения в декабре 1981 г., в частности против генерала Войцеха Ярузельского (...) Один из пунктов обвинения — руководство вооруженной преступной группировкой». («Тыгодник powszechny», 29 апр.)

- «В интервью итальянской газете «Коррьере делла sera» (...) Лех Валенса (...) сказал, что было бы ошибкой судить генерала Войцеха Ярузельского за введение военного положения. «Я против какой бы то ни было вендетты и чрезвычайного правосудия», — сказал Валенса». («Жечпосполита», 20 апр.)

- Из письма бывшего президента СССР Михаила Горбачева польскому Сейму: «Ярузельский внес незаменимый конструктивный вклад в продвижение к политическому примирению и национальному согласию, к первому в Восточной Европе бескровному переходу к демократии в Польшу». («Газета wyborcza», 20 апр.)

- «Согласно закону о люстрации, депутаты, сенаторы и евродепутаты должны представить сведения о том, были они или не были сотрудниками госбезопасности ПНР. Срок подачи заявлений истек неделю назад. Заявления подали все, кроме проф. Бронислава Геремека, представляющего в Европарламенте Демократическую партию. По закону депутат, не подавший заявления, должен лишиться мандата. «Никто не имеет права лишить меня мандата, — говорит Геремек, напоминая, что подавал заявление три года назад, когда баллотировался в Европарламент. — Я считаю, что требование еще раз подавать люстрационное заявление под угрозой лишения мандата противоречит принципам правового государства и пренебрегает волеизъявлением 122 тысяч избирателей»». («Жечпосполита», 26 апр.)

- «Подобно Брониславу Геремеку бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий отказался подать люстрационное заявление». («Дзенник», 26 апр.)
- «Когда Бронислав Геремек и Тадеуш Мазовецкий, отказавшиеся подать люстрационные заявления, лишились мест в капитуле ордена Белого Орла, Владислав Бартошевский тоже решил сложить с себя эти почетные полномочия. В четверг вечером об этом сообщила Канцелярия президента». («Дзенник», 12-13 мая)
- «Фельетонистка «Тыгодника повсехного» Эва Шуманская второй раз в жизни (первый был во время военного положения [когда она отказалась подписать заявление о лояльности]) была вынуждена расстаться с Польским радио (...) Шуманская отказалась писать люстрационное заявление, а, согласно директивам руководства радио, каждый, кто этого не сделает, лишается работы». («Тыгодник повсехный», 29 апр.)
- «Согласно документу, подписанному вице-премьером Людвиком Дорном, научные работники духовных семинарий и институтов, находящихся в ведении Святого Престола, не должны подавать люстрационные заявления (...) Глава церковной комиссии епископ Тадеуш Перонек добавил, что Церковь ожидает также освобождения от обязанности писать заявления журналистов церковных СМИ». («Тыгодник повсехный», 6 мая)
- «Вчера Европейский суд по правам человека в Страсбурге пришел к заключению, что на люстрационных процессах Польша не обеспечивает подозреваемым права на защиту. Люстрационная процедура должна гарантировать равные возможности люстрируемому и органу, обвиняющему его в сотрудничестве, — иначе нарушается право на справедливый суд. Так произошло в случае Томаша Матыека». («Газета wyborча», 25 апр.)
- «Уполномоченный по правам человека обжаловал закон о люстрации в Конституционном суде, подвергнув сомнению, в частности, необоснованное расширение понятия «лица, выполняющего публичные функции» на предпринимателей, журналистов, ученых и работников общественных организаций». («Тыгодник повсехный», 29 апр.)
- Конституционный суд признал не соответствующими Конституции несколько десятков положений закона о люстрации. Обосновывая постановление суда, его председатель Ежи Стемпень, в частности, сказал: «Люстрация должна

служить исключительно делу защиты демократии. Она должна не утолять жажду мести, но обеспечивать справедливость и учитывать права человека (...) Борясь с пережитками тоталитарной системы, государство должно руководствоваться принципами демократического правового государства — иначе оно будет не лучше тоталитарного». Суд, в частности, существенно ограничил число лиц, подлежащих люстрации. Из этого списка вычеркнуты: научные работники, ректоры и проректоры частных вузов, директора негосударственных школ, президенты частных акционерных обществ, журналисты, издатели частных СМИ, судебные исполнители, эксперты-аудиторы, налоговые консультанты, члены правлений спортивных обществ. Суд признал неконституционным отстранение от должности лиц, избранных на выборах, за неподачу люстрационного заявления. Кроме того, он вычеркнул из списка институтов, рассматриваемых как органы госбезопасности, цензуру и управление по делам вероисповеданий. («Газета wyborcza», 12–13 мая)

- Согласно опросу ЦИОМа, 79% поляков рады тому, что есть Конституционный суд; 2% — нет. 88% считают, что суд заботится о соблюдении конституции; 4% придерживаются противоположного мнения. Кроме того, 80% опрошенных считают суд беспристрастным, а 81% — профессиональным. («Газета wyborcza», 12–13 мая)

- Тадеуш Мазовецкий: «Что касается архивов госбезопасности, то напомним слова Ежи Гедройца, который говорил, что их надо закрыть на 30 лет». («Тыгодник повшехный», 29 апр.)

- Лешек Бальцерович: «Тринадцать, пятнадцать, пять лет назад Польша не была так разделена, как сейчас (...) Великая заслуга Тадеуша Мазовецкого и его правительства состоит в том, что не было попыток достичь политической выгоды, сея ненависть». («Тыгодник повшехный», 29 апр.)

- «Тадеушу Мазовецкому, первому некоммунистическому премьер-министру Польши, исполнилось 80 лет». («Тыгодник повшехный», 29 апр.)

- «В нем [Мазовецком] смешивались осторожность и смелость, упорство и готовность к компромиссу (...) Даже ошибаясь, он оставался бескорыстным (...) Он уже вошел в историю как один из отцов-основателей независимого государства». (Петр Заремба, «Дзенник», 18 апр.)

- Адам Михник: «Тадеуш Мазовецкий всегда был убежден, что существует несколько очевидных истин. «Оппортунизм всегда будет отличаться от нонконформизма, — писал он, — свобода от принуждения, неравенство и привилегии от эгалитаризма, племенной этноцентризм от открытости к человеческому обществу, поддержка творческого развития человека от усыпления в нем ответственности». Выбор позиции был для него важнее мировоззренческих деклараций». («Газета wyborcza», 18 апр.)

- «Месяц назад правительство Ярослава Качинского было наименее популярно с момента создания: его поддерживал каждый четвертый поляк, а каждый второй относился к нему отрицательно. Однако, согласно опросам ЦИОМа, уже в апреле оценки правительства немного улучшились — теперь его поддерживают 27% опрошенных. На 4% уменьшилось и число его противников». («Дзенник», 13 апр.)

- «Бывший депутат от Союза демократических левых сил и министр строительства Барбара Блида покончила жизнь самоубийством при задержании ее сотрудниками Агентства внутренней безопасности (АВБ). Оппозиция (...) потребовала создания следственной комиссии (...) и отставки координатора спецслужб. Директор АВБ отправлен в отпуск, а против шести сотрудников возбуждено дисциплинарное производство». («Тыгодник повшехный», 6 мая)

- «Президиум Верховного совета адвокатов решительно протестует против беспрецедентного и регулярного в последнее время превышения власти службами, призванными обеспечивать безопасность граждан». («Газета wyborcza», 26 апр.)

- В Польше появилась новая политическая инициатива — «Движение за демократию». Идею декларацию движения подписали почти сто человек, самые известные из которых — Александр Квасневский, Вислава Шимборская, Богдан Лис, Владислав Фрасыньюк, Влодзимеж Цимошевич и Станислав Цёсек. Их объединяет протест против правления «Права и справедливости». («Жечпосполита» и «Газета wyborcza», 2-3 мая)

- «Сейм принял изменения к закону об образовании. В сентябре каждый ученик государственной неполной средней школы и гимназии пойдет в школу в форме (...) Учителя получают статус государственных служащих (за нападение на них будет грозить до 10 лет тюрьмы)». («Тыгодник повшехный», 22 апр.)

- «Сейм отклонил все варианты поправок к конституции, направленных на защиту жизни с момента зачатия (...) Один из сторонников поправок, маршал Сейма Марек Юрек, заявил, что он отказывается от своего поста и уходит из ПиС». («Тыгодник повшехный», 22 апр.)
- «Новым маршалом Сейма избран Людвик Дорн — ранее вице-премьер». («Тыгодник повшехный», 6 мая)
- «После выхода из ПиС депутат Марек Юрек основал новую партию «Правые Речи Посполитой»». («Тыгодник повшехный», 29 апр.)
- «Согласно мартовскому опросу ЦИОМа, 80% поляков считают, что Сейм работает главным образом ради славы партий и политиков, а не на благо Польши». («Дзенник», 20 апр.)
- Согласно опросу ГфК «Полония», проведенному 27–28 апреля, на выборах в Сейм «Гражданская платформа» (ГП) набрала бы 29% голосов (что дало бы ей 185 мест в Сейме), ПиС — 27% (176 мест), «Самооборона» — 8% (50 мест), «Левые и демократы» — 7% (47 мест). Остальные партии не преодолели бы 5 процентный избирательный барьер и не вошли бы в Сейм. («Жечпосполита», 4 мая)
- Иерархия престижности профессий в Польше согласно европейскому опросу, проведенному Институтом философии и социологии ПАН по столбальной шкале: профессор университета — 83,7; врач — 80,6; учитель — 77,6; шахтер — 77,0; медсестра — 75,4; директор завода — 73,6; заводской инженер и информатик — по 73,2; кадровый офицер в чине капитана — 72,4; владелец крупного предприятия — 72,0; полицейский — 70,2; священник — 69,5; водитель городского автобуса — 68,6; фермер, владелец средних размеров хозяйства — 67,5; квалифицированный рабочий — 66,0; владелец маленького магазина — 65,1; продавец — 63,9; референт в офисе — 62,8; уборщица — 61,6; министр — 60,3; неквалифицированный рабочий — 60,1; депутат Сейма — 52,9. («Политика», 14 апр.)
- Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог: «Отсутствие предметной критики в публичном дискурсе — самый бросающийся в глаза элемент нашего политического пейзажа. Вместо аргументов используются полные резких эпитетов обвинения (...) Если даже мысль и родится, ее заглушают криком и ругательствами по адресу того, кто осмелился высказать критическое замечание. Из-за этого морализаторского языка каждая попытка решить даже

конкретную проблему превращается в перебранку. Польские СМИ полны политических дразг, которые ведут друг с другом сторонники и противники братьев Качинских». («Дзенник», 12 апр.)

- «В 2006 г. в опросе ЦИОМа большинство поляков впервые заявило, что устало от демократии, т.е. от постоянных склок, и что эта система его не устраивает». («Политика», 21 апр.)

- «Смешные сто миллионов славян» — так называется новая книга Ежи В. Борейши, изданная Институтом истории ПАН. Лех М. Нияковский пишет о ней: «Книга эта также предостерегает, напоминая, что нельзя игнорировать харизматические личности, даже если они провозглашают параноидальную и интеллектуально несвязную картину мира. Слишком многие разочарованные граждане могут признать ее своей и объявить хорошей программой на трудные времена». («Нове ксёнжки», май)

- Славомир Мрожек: «Польша теперь — достаточно демократическая страна, чтобы у меня не было поводов для опасений». («Дзенник», 17 апр.)

- «Незначительное с виду решение, принятое Белостокским воеводским административным судом по делу о строительстве объездной дороги вокруг Августова через долину Роспуды, может иметь большое значение. Суд отменил согласование, в котором министр охраны окружающей среды предоставил дорожникам свободу выбора трассы будущей дороги». («Тыгодник повшехный», 6 мая)

- Из интервью с Тимоти Гартоном Эшем, британским историком и политологом, исследователем современной истории Центральной Европы: «В первый раз я приехал в Польшу в 1979 г., вскоре после паломничества Иоанна Павла II. Атмосфера была невероятная. В поработанной Польше я обнаружил свободных людей. Они жили на каком-то высшем этаже духовности, благодаря которой они действительно не боялись. Они думали вперед (...) Сегодня я смотрю на Польшу и вижу нормальное потребительское общество. Я рад этому». («Ньюсуик-Польша», 13 мая)

- «Марта Качинская, дочь президента Польши, вышла замуж за Мартина Дубенецкого, поморского деятеля Союза демократических левых сил (...) Это второй брак Марты Качинской. С первым мужем она развелась в конце прошлого года». («Газета выборча», 23 апр.)

• «Бригада, утеплявшая дом, без разрешения срубила райскую яблоню (...) Президент Варшавы наложил на жилищный кооператив штраф в размере 33 тыс. злотых, а кассационная коллегия поддержала это решение. Высший административный суд подтвердил, что решение было правильным. От яблони пурпурной декоративной, именуемой в народе райской (...) остался только пенек». («Жечпосполита», 11 апр.)

КАК СОХРАНИТЬ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

Экономика Польши набирает обороты. С начала 2005 г. ВВП ежеквартально растет ускоренными темпами. Два года тому назад они составляли 2,2%, а в последнем квартале прошлого года — 6,3%. Как пишет профессор экономики Варшавского университета, у большинства авторитетных исследовательских институтов прогнозы на текущий год совпадают.

В текущем году рост будет по меньшей мере таким же, как в 2006 м, а может быть, и выше. Недавно высокопоставленные сотрудники министерства финансов упоминали о возможности достижения семипроцентного роста и длительного сохранения этого уровня. Где же тогда «лимит скорости» роста польской экономики, как долго она будет ускорять свое развитие? А может быть, торможение нынешнего цикла развития бизнеса произойдет уже в 2008 году? Ведь конъюнктура переживает свои взлеты и падения, и противостоять воздействию этой всеобщей закономерности нелегко.

Откуда берется наш рост?

Самое простое объяснение нынешнего экономического оживления, которое охватило всю Центральную и Восточную Европу, — это как раз гипотеза, касающаяся конъюнктурного цикла. Экономическая активность подвержена колебаниям, и мы временно оказались на гребне волны. Несет она и наших соседей: в Словакии в прошлом году отмечены внушительные темпы прироста ВВП — 8,3%, несколько хуже выглядит Чехия, у которой рост минимально превосходит уровень Польши — 5,9%. Лидерами оказались малые прибалтийские страны — Латвия и Эстония, их темпы роста составляют около 11%. Только Венгрия, переживающая в последние годы экономические трудности, выглядит на этом фоне слабее — темпы роста ее экономики составили 4%. По сравнению со старыми членами Евросоюза это очень хорошие результаты. В комментариях появляются мнения о том, что Центральная Европа придает ускорение всей экономике ЕС.

Можно представить себе и другое объяснение. Назовем его гипотезой «критической массы реформ». Экономика большинства стран нашего региона, в том числе и Польши, на протяжении полутора десятков последних лет была коренным образом реформирована. В значительной степени заменена сама конструкция экономических институций: свободный рынок и его механизмы обеспечивают перераспределение резервов, индивидуальное предпринимательство и частная собственность формируют новую структуру стимулов экономической деятельности, под их воздействием экономика стран нашего региона становится эффективнее и динамичнее. Вступление в Евросоюз прибавило нашим странам политической и социальной стабильности, а требования интеграции заставили привести более половины предписаний, действующих в отечественных фирмах, в соответствие с европейскими. Отношение государственных и политических структур к бизнесу стало доброжелательней. Широким потоком поступают прямые иностранные инвестиции. В Польше их объем составил в истекшем году рекордную сумму — около 15 млрд. долларов. Однако огромные институциональные преобразования, несомненно произошедшие в Центральной и Восточной Европе, не принесли ожидаемого результата в виде повышения уровня благосостояния и потребления. Население в странах нашего региона дорого заплатило за переустройство жизни общества, но еще не получило ожидаемых благ. Может быть, как раз теперь настает этот момент. Может быть, именно сейчас преодолевается критическая масса перемен, а реформированные экономические структуры начинают работать гармонично и динамично, генерируя рост в соответствии с человеческими потребностями и чаяниями? Кое-кто из авторитетных экономистов предсказывал, что по завершении экономического переустройства в этой части мира вырвется наружу динамическое развитие.

Мы не знаем точных причин нынешнего оживления. Если первая гипотеза соответствует истине, то нынешняя фаза высокого роста может угаснуть довольно быстро — в 2008 или 2009 году. Как недавно напомнил Алан Гринспан, оценивая шансы развития американской и мировой экономики, нормальный цикл конъюнктуры относительно короток. Однако если справедливо второе объяснение, то мы сможем наблюдать высокие темпы роста ВВП на протяжении гораздо более длительного периода.

В погоне за благосостоянием

Дадим волю фантазии. Допустим, что (как любят выражаться экономисты) экономический рост Польши будет высоким и длительным — 5% в год. Допустим также, что темпы роста экономики высокоразвитых европейских стран — членов «старого» ЕС — будут неуклонно составлять 2% в год. При нынешнем ВВП на душу населения (по данным Евростата за 2005 г. он составил в Польше 11,7 тыс. евро, а в старых членах ЕС — 25,4 тысячи) потребуется около 30 лет, чтобы преодолеть разделяющее нас экономическое расстояние, измеряемое объемом внутреннего продукта на душу населения. Гипотетическое время погони за благосостоянием сокращается почти наполовину, если допустить, что темпы роста ВВП в Польше составляют 7% в год. Насколько реалистичны оба этих варианта погони, продолжающейся в зависимости от обстоятельств 30 или 15 лет, сказать трудно. Пути и схемы экономического развития стран не до конца детерминированы. Рост — это функция большого количества факторов и воздействий, а в истории мировой экономики известны цивилизационные скачки, которых нельзя было заранее предвидеть, хотя задним числом они казались понятными. Повсеместно приводимый пример Ирландии, страны, сравнительно отсталой еще 25 лет назад, а ныне демонстрирующей самый высокий в Европе уровень ВВП на душу населения, показывает, что распределение богатства в мире не задано раз и навсегда, что сочетание благоприятствующих факторов и обстоятельств может вырвать страну из экономической стагнации и вывести ее на путь развития и благосостояния.

Может быть, Польша вступила как раз в ту фазу роста, которая ведет ее к зажиточности и богатству. Если гипотеза о критической массе реформ соответствует истине, то это означает скачок экономики на более высокий уровень возможностей производства.

Формирование институций

Хотя на реформирование польской экономики затрачены огромные усилия, а результаты, достигнутые во многих сферах, можно считать удовлетворительными, всё же остается сделать очень многое. В частности, в сфере экономических институций, или, как говорят экономисты, правил игры. Институции — это определенные правила, соблюдаемые в поведении, образе мыслей и действий и в силу обычая или закона становящиеся обязательными в данном сообществе — в бизнесе, промышленности, экономике. Их экономические функции схожи с правилами игры, поэтому они

устанавливают допустимые рамки поведения, определяют санкции за их нарушение, но главное — создают стимулы экономической деятельности, что имеет принципиальное значение при выборе образцов для развивающейся экономики. Не углубляясь в детали, достаточно отметить, что эффективные институты обеспечивают мощные стимулы экономии и инвестирования, развития предприимчивости и инновационности, то есть высокой экономической активности, которая в результате приводит к быстрому экономическому росту и повышению благосостояния. В то же время ничтожный прогресс, застой или просто экономический упадок во многих случаях можно объяснить порочной институциональной структурой экономики.

Понимание значения этих институций для экономического роста получает всё большее распространение. С момента присуждения Нобелевской премии по экономике Дугласу Норту прошло уже почти 15 лет, на протяжении которых его экономическая теория по праву заняла свое место в пантеоне царицы общественных наук. Всемирный банк после временного увлечения так называемым вашингтонским консенсусом стал поборником тезиса, согласно которому стабильный экономический рост невозможен без эффективных институций. В его публикациях все чаще отмечается, что экономический успех — производная от таких показателей, как качество государства, его защищенность от коррупции, высокие стандарты управления предприятиями, эффективное регулирование рынков, а также стабильность в обществе, связанная с социальным обеспечением и снижением уровня безработицы и нищеты. В своих исследованиях экономисты подчеркивают, каким большим значением для эффективности и конкурентоспособности экономики обладают качество судопроизводства по экономическим делам и преодоление административных барьеров как при учреждении, так и в ходе деятельности предприятий.

Для оценки влияния институций на функционирование и рост экономики нужны критерии их качества. Разработаны многочисленные показатели, среди которых наиболее известны индекс свободы ведения экономической деятельности, разработанный Всемирным банком, и индексы экономической свободы американского фонда «Heritage» [«Наследие»] и канадского Института Фрейзера. Существуют и другие показатели, с помощью которых оценивается качество управления государством и отдельным предприятием, определяется степень коррумпированности, уровень соблюдения этических принципов в бизнесе и т.д. Из

опубликованных в последнее время вышеназванными организациями рейтингов следует, что качество экономических институций в Польше по сравнению со многими другими странами довольно низко. В рейтинге Всемирного банка Польша заняла 75-е место в списке из 175 стран, при этом последнее место среди новых членов Евросоюза. В самом начале этого рейтинга фигурируют Сингапур, Новая Зеландия и США. В том, что Польша оказалась на столь низком уровне, сыграли свою роль такие факторы и обстоятельства, как серьезные барьеры (количество процедур, время, финансовые затраты) при открытии новых предприятий, трудности со взиманием задолженностей с хозяйствующих субъектов, обусловленные, в частности, затягивающимися судами при разрешении споров, чрезмерная регламентация деятельности, а также сложная система налогообложения. Такая картина с действующими в Польше институциями в сфере бизнеса вырисовывается на основе показателей, которые приводит «Heritage».

Необходимость реформ и модернизации экономических институций в Польше совершенно очевидна. В этом отдают себе отчет сами предприниматели, знают об этом и представители государственной администрации. Недавно был представлен «пакет Ключки» (см. статью в этом номере — Ред.), цель которого — расширить свободу экономической деятельности в Польше. Во второй польской программе реформ (на 2005–2008 гг.), имеющей целью реализацию лиссабонской стратегии, в качестве приоритетных предусмотрены меры, направленные на то, чтобы повысить качество принимаемых законов, усовершенствовать судопроизводство по экономическим делам, облегчить вложение капиталов в строительство, упростить административные процедуры и снизить затраты на ведение экономической деятельности. Обещанные министром финансов реформы в сфере государственных финансов, в том числе снижение самых высоких налоговых ставок, — меры весьма желательные. В верном направлении идет и обещанная в правительственной программе реформа регулирования, цель которой — принципиально упростить и упорядочить законодательство, а также внедрить современную методологию при оценке результатов регулирования, основанную на процедурах, принятых в ЕС. Однако реальные успехи вышеназванных начинаний пока невелики. В результате завершение институциональной реформы становится огромным, но до сих пор не использованным шансом на дальнейшее повышение динамики польской экономики и увеличение ее потенциального продукта. Оно дало бы нам и возможность

закрепить нынешние тенденции к сохранению высоких темпов экономического роста на протяжении по меньшей мере нескольких лет.

Свободный рынок и предприимчивость

Фундаментом рыночной экономики служат две ценности: свобода и предприимчивость. Свобода — ограниченная нормами морали и права, а предприимчивость — получающая свою динамику, в частности, от стимулов, лежащих внутри институциональной структуры экономики. Эти две ценности и в то же время две силы пока еще в польской экономике надлежащим образом не сформированы и не использованы, поэтому необходимо завершить построение институций. Однако это окажется трудным или вообще невозможным, если те, кто определяет экономическую политику, не признают истину, согласно которой система, основанная на простых и прозрачных правилах, на ясных и быстро исполняемых законах, гораздо эффективнее, чем система запутанных и усложненных правил, даже если эта последняя дает более широкие возможности властям, действующим по своему усмотрению. Экономическую динамику порождают свобода и предприимчивость — под властью справедливых законов и ограниченного, но сильного государства.

Юзеф Чехович

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ТЮРЬМА

сужаются зрачки дня
прикрыты ресницами елей
от мысли до мысли от пня до пня
ходишь во тьме еле-еле
у хаты касаясь цветастым платком навеса
женщина в подсолнухах бельё развешивает
стадион бетонный кипит океаном рук
когда гибкий бич к финишу в беге приходит
по простору вод зеленому как изумруд
пароход в дыму мчится к белой погоде
всё всё есть на земле
в больнице измятые койки пылают крапивой
вслед зубастой горячке плавясь лениво
над тонким как стебель столбиком чисел
астрофизик гордо лик свой возвысил
колотя молотком по железу в бездне небес
кровельщик на небоскрёбе словно архангел повис
всё всё есть на земле
так много
всё всё
так мало

Я — ВИНТОВКА

я забыл о чудный август со вчера
как открыла дверь в кино та пора
стенка в трещинах светлее серебра
голова звездою снова станет зря
артиллерия из труб бетонных грянь
хватит сумерки фальшивые встречать
цедит мудрые слова обычный день
в их ушах лишь ученик я опять
в тишине стихи так сладко дрожат
словно чёрный шмель в туннеле гаража
до таких других времён дожить бы мне
когда стал бы я винтовкой по весне

ПРЕЛЮДИЯ

1.

чуть рассвело грянули птицы с латунных полей
женщина стройная ясностью мир озарила

2.

колокола ненасытные колыбели музыки
вспоминать забывать вспоминать

3.

о розы дыханье словно ребенка лицо
о флоксы по пояс утопшие в низкой траве
маковым темным цветком я взмахну
и исчезну лишь недвижимый маковый запах вдохну

4.

олень стоит у ключа струйка шепчет ave

ЯБЛОКО ЖИЗНИ

уходит год за годом от рук что пишут строчки
чтоб разогнать видений сумбурный хоровод
цветам я отдал сердце а очи чёрной ночи
я ухожу как годы и труден мой уход
однажды дым взовьётся над бездной мироздания
войду смиренный старец в немеркнущий огонь
я жил двойною силой любви и ожидания
и не сбегу — жизнь ляжет как яблоко в ладонь

ПОД ПЕПЛОМ

затем ли ты пепельная круговерть
чтоб имя моё с гранита стереть
головы головы окутаны сном
чёрный козёл ведёт к заросли маков
я видел в бездне скрипичной дневной
застыла ласточка знаком
в сгусток сплавлены тёмные тени
ритмом охвачены формы и линии
паркового пекла прозрачные стены
пылают огнями кроваво-павлиньими
золоторогие женщины
вышли из моря желая утех
в можжевельнике пламя вещее
красное пламя шелестит на кусте
до каких же ещё границ разметаться
чтобы не пахли болотным гнильём

вихрь пепельного танца

сотри с гранита

имя моё

О НЕБЕ

Уже и не слышно агнцев бегущих

к другим рассветам ушли влажные тучи

а в пустом павильоне небес опадает пыль голубая

сквозь штрихи проводов как сквозь фильтр протекая

сыплется полдень сухой шершавый и жёсткий

над фигурками аэропланов и хладом кварталов фабричных

Стоит петь ему славу будь оно нашим или заморским

так прекрасно оно пронзённое вертикалями дерзкими труб

заводов кирпичных

а порой

оно над лесами далёкими сталью звенит голубой

первозданное и огромное

когда наполняется дымом застыв у белого города

когда знает само что оно — хлеб насущный дневной

стоит петь ему славу

Полдень всегда светло одинаков

пополудни балки свои прогибает роняя куски штукатурки
мокрой

в детстве они прогибались до самой моей головы

и кто-то шептал мне оттуда сынок мой

БУМАЖНЫЕ СИЛУЭТЫ

губы то ли молчат то ли что-то бормочут невнятно

погода ни к чёрту дрянная погода

ноги ходят идут на дорогу туда и обратно
истосковались по ним доски дубового пола
осень поздняя сад опустел и поля опустели
белый шёлк облаков измят грубым ветром
руки в тоске по работе на стол опустились
ждут инструмента
а овечьи ножницы на гвозде —
мудрую руку что ими разрежет
дождливую серость бесцветного дня

.....

ПЕРВЫЙ СНЕГ

в саду вечернем неживые листья
как слёзы с чёрных падают дерев
глядят на небо луж застывших лица
ветра поют свой сумрачный напев
сад занесён сыпучим полумраком
бездонным хладом дверь крыльца сквозит
свет наверху в окошке одиноком
там нищета и там ребёнок спит
чуть слышно люлька вторит колыбельной
постукивая мерно в тишине
а кто-то в дверь горстями сыплет белым —
идёт густой и светлый первый снег

МУЗЫКА ЗОЛОТОЙ УЛИЦЫ

Небо меняется. Вечер еще не утих,
ветер бессонный колышется зыбко,

словно неба шатёр шелестит.

Ветер — уже и не ветер — улыбка.

На улице Доминиканской хоры —

девушки славу поют Богородице.

Им с Архидьяконской вторит

скрипок печальный народец.

Зданий безмолвие музыкальное

натянута тетивою

на радуги дужку хрустальную

у костёла над головою.

И вдруг тишина зазвучала,

тронута бронзовым звонким перстом.

Колокол предвечерний,

пролившись мощью металла,

начал бить под костёльным крестом:

раз — и два — и три — — — —

ТЮРЬМА

сужаются зрачки дня

прикрыты ресницами елей

от мысли до мысли от пня до пня

ходишь во тьме еле-еле

у хаты касаясь цветастым платком навеса

женщина в подсолнухах бельё развешивает

стадион бетонный кипит океаном рук

когда гибкий бич к финишу в беге приходит

по простору вод зеленому как изумруд

пароход в дыму мчится к белой погоде
всё всё есть на земле
в больнице измятые койки пылают крапивой
вслед зубастой горячке плавясь лениво
над тонким как стебель столбиком чисел
астрофизик гордо лик свой возвысил
колотя молотком по железу в бездне небес
кровельщик на небоскрёбе словно архангел повис
всё всё есть на земле

так много

всё всё

так мало

Я — ВИНТОВКА

я забыл о чудный август со вчера
как открыла дверь в кино та пора
стенка в трещинах светлее серебра
голова звездой снова станет зря
артиллерия из труб бетонных грянь
хватит сумерки фальшивые встречать
цедит мудрые слова обычный день
в их ушах лишь ученик я опять
в тишине стихи так сладко дрожат
словно чёрный шмель в туннеле гаража
до таких других времён дожить бы мне
когда стал бы я винтовкой по весне

ПРЕЛЮДИЯ

1.

чуть рассвело грянули птицы с латунных полей
женщина стройная ясностью мир озарила

2.

колокола ненасытные колыбели музыки
вспоминать забывать вспоминать

3.

о розы дыханье словно ребенка лицо
о флоксы по пояс утопшие в низкой траве
маковым темным цветком я взмахну
и исчезну лишь недвижимый маковый запах вдохну

4.

олень стоит у ключа струйка шепчет ave
ЯБЛОКО ЖИЗНИ
уходит год за годом от рук что пишут строчки
чтоб разогнать видений сумбурный хоровод
цветам я отдал сердце а очи чёрной ночи
я ухожу как годы и труден мой уход
однажды дым взовьётся над бездной мироздания
войду смиренный старец в немеркнущий огонь
я жил двойною силой любви и ожидания
и не сбегу — жизнь ляжет как яблоко в ладонь
ПОД ПЕПЛОМ
затем ли ты пепельная круговерть
чтоб имя моё с гранита стереть
головы головы окутаны сном

чёрный козёл ведёт к заросли маков
я видел в бездне скрипичной дневной
застыла ласточка знаком
в сгусток сплавлены тёмные тени
ритмом охвачены формы и линии
паркого пекла прозрачные стены
пылают огнями кроваво-павлиньими
золоторogie женщины
вышли из моря желая утех
в можжевельнике пламя вещее
красное пламя шелестит на кусте
до каких же ещё границ разметаться
чтобы не пахли болотным гнильём
вихрь пепельного танца
сотри с гранита
имя моё

О НЕБЕ

Уже и не слышно агнцев бегущих
к другим рассветам ушли влажные тучи
а в пустом павильоне небес опадает пыль голубая
сквозь штрихи проводов как сквозь фильтр протекая
сыплется полдень сухой шершавый и жёсткий
над фигурками аэропланов и хладом кварталов фабричных
Стоит петь ему славу будь оно нашим или заморским
так прекрасно оно пронзённое вертикалями дерзкими труб
заводов кирпичных

а порой

оно над лесами далёкими сталью звенит голубой

первозданное и огромное

когда наполняется дымом застыв у белого города

когда знает само что оно — хлеб насущный дневной

стоит петь ему славу

Полдень всегда светло одинаков

пополудни балки свои прогибает роняя куски штукатурки
мокрой

в детстве они прогибались до самой моей головы

и кто-то шептал мне оттуда сынок мой

БУМАЖНЫЕ СИЛУЭТЫ

губы то ли молчат то ли что-то бормочут невнятно

погода ни к чёрту дрянная погода

ноги ходят идут на дорогу туда и обратно

истосковались по ним доски дубового пола

осень поздняя сад опустел и поля опустели

белый шёлк облаков измят грубым ветром

руки в тоске по работе на стол опустились

ждут инструмента

а овечьи ножницы на гвозде —

мудрую руку что ими разрежет

дождливую серость бесцветного дня

.....

ПЕРВЫЙ СНЕГ

в саду вечернем неживые листья

как слёзы с чёрных падают дерев

глядят на небо луж застывших лица
ветра поют свой сумрачный напев
сад занесён сыпучим полумраком
бездонным хладом дверь крыльца сквозит
свет наверху в окошке одиноком
там нищета и там ребёнок спит
чуть слышно люлька вторит колыбельной
постукивая мерно в тишине
а кто-то в дверь горстями сыплет белым —
идёт густой и светлый первый снег
МУЗЫКА ЗОЛОТОЙ УЛИЦЫ

Небо меняется. Вечер еще не утих,
ветер бессонный колышется зыбко,
словно неба шатёр шелестит.

Ветер — уже и не ветер — улыбка.
На улице Доминиканской хоры —
девушки славу поют Богородице.

Им с Архидьяконской вторит
скрипок печальный народец.
Зданий безмолвие музыкальное
натянута тетивою
на радуги дужку хрустальную
у костёла над головою.

И вдруг тишина зазвучала,
тронута бронзовым звонким перстом.

Колокол предвечерний,

пролившись мощью металла,
начал бить под костёльным крестом:
раз — и два — и три — — — —

Чеслав Милош

О Юзефе Чеховиче

Из «Поэтического трактата»:

Иная связь Чеховича с землею.

Укропа грядки, ветхие застрехи,

Как зеркальце — привислинское утро.

Разносит эхо по росе куявяк

Вальков да прачек подле ручеечка.

Он малое любил, он сны собрал

Земли аполитичной, беззащитной.

О птицы и деревья, от забвенья

Могилу Юзя в Люблине храните.

Юзеф Чехович (1903–1939)

(Из книги: Чеслав Милош, История польской литературы до 1939 года. Краков, «Знак», 1999)

Юзеф Чехович родился в Люблине в бедной семье. В учительской семинарии он изучал педагогику, а затем работал учителем в маленьких городках и в деревне. Широкое знание литературы приобрел самообразованием. Дебютировал он сборником стихотворений «Камень» (1927), уже свободным от влияний «Скамандра». Хотя Чехович, если говорить о метре и ритме, был неортодоксален, вся его поэзия фактически обращалась к традициям «мещанского лиризма» XVII века и народных песен. Те черты, которыми характеризуются обе эти традиции в поэзии: как бы детскую нежность, приглушенную мелодию, нежелание употреблять какое бы то ни было ритмическое стаккато (чуждое самой природе польского языка), — Чехович воскресил в своей поэзии с большим успехом и подобно Титусу Чижевскому доказал, что фольклор может оказывать на поэтов-авангардистов животворное влияние. Первым переводя некоторых тогда малоизвестных иностранных поэтов-авангардистов (Мандельштама, Джойса, Т.С.Элиота), он знал, как черпать из старых мадригалов и народных песен их эмоциональный

тон, не подражая ни их рифмам, которые он употреблял изредка, ни их делению на строфы. В его стихах присутствует идиллическая Польша, милая, деревенская, даже если их действие происходит в декорациях города. Голос самого поэта, шепчущий, едва слышный, не похож ни на что из того, что можно услышать в западной поэзии, а поскольку он использовал скрытые созвучия, присущие одному только этому языку, то Чехович непереволим. Его стихи можно сравнить с камерной музыкой, которую делает волнующей контрапункт мрачных философских и метафизических проблем. Его сборники поэзии, в которых чувственные грёзы и поэтические мифы выражают его тревоги: «день как каждый день» (1930), «баллада с той стороны» (1932), «в молнии» (1934), «ничего больше» (1936), «человеческая нота» (1939; Чехович не пользовался ни заглавными буквами, ни знаками препинания), — можно включить в «катастрофическое» течение. Предчувствие всеобщей гибели и нависшей над ним собственной смерти бросает на его идиллические пейзажи особый свет. Он был убит бомбой в своем родном Люблине в возрасте всего лишь 36 лет.

Предисловие

(к книге: Юзеф Чехович. Стихотворения. [Варшава], ПИВ, 1997)

Я был свидетелем начала славы Юзефа Чеховича, длительного ее отлива после войны и возвращения поэта на принадлежащее ему место в каноне польской литературы. Для меня он до сих пор существует как человек, с которым мы были связаны дружбой и некоторое время вместе сидели и работали в одной и той же комнате отдела планирования программ Польского радио на площади Домбровского в Варшаве.

Когда говорят о межвоенной поэзии, ее принято делить на скамандритов и авангардистов, что несколько вводит в заблуждение. Ни в одну из этих групп (даже если применить довольно сомнительное понятие «второго авангарда») не уместятся такие замечательные поэты, как Адам Важик, Владислав Себыла, Анна Свирщинская и Константы Ильдефонс Галчинский. Их породила та польская магма, в которой постоянно что-то пускало ростки и главной чертой которой была нищета. Точно так же вне классификаций остается и Юзеф Чехович.

Сегодня трудно осознать, каким великим переворотом было появление в 1918 г. новых поэтов, названных вскоре — от названия журнала «Скамандр» — скамандритами, и как сильно на них нападали за стихи, которые сегодня кажутся нам старосветскими. Они возмущали профессоров и литературных кри-

тиков, привыкших к поэтике «Молодой Польши» и единственным «бардом» считавших Яна Каспровича. Тем более должна удивлять неприязнь «Скамандра» и союзных ему «Вядомостей литерацких» к младшему поколению, которое они обвиняли в восполнении отсутствия таланта так называемой современностью. Эта борьба поколений началась вместе с появлением дебютантов в конце 1920-х. Дата публикации первого сборника стихов Чеховича «Камень» (1927) здесь знаменательна. Знал ли Чехович, что так же назывался первый сборник стихов Осипа Мандельштама? Мог и не знать, хотя влияние русской поэзии на его ранние стихи весьма ощутимо. Есенин и Маковский — а не Мандельштам — считались тогда первыми поэтами. Отметим ради анекдота, что главным гонителем Чеховича в «Вядомостях литерацких» был ротмистр Кароль А. Заводзинский, сторонник метрической и рифмованной русской поэзии и ее «напевности». Другой поэтики он не признавал, а Чехович оскорблял его вкус своим разрывом с регулярным метром и (о, ужас!) тем, что начинал свои стихи с малой буквы.

Чеховича породила провинция и чисто польская бедность. К счастью, в родном Люблине он нашел друзей и даже начинал в коллективе, в группе, издававшей журнал «Рефлектор». Вообще дружба и опека людей, как-то уже устроенных, играла большую роль в его биографии. У него не было денег продолжать образование после учительской семинарии, и ему рано пришлось начать работать учителем, сначала в белорусской деревне Слободка, потом на Волыни и в Люблине, но его стихи заметили и ему помогли перебраться в Варшаву и поступить в Институт специальной педагогики.

Больше всего помогал ему известный в истории театра режиссер Вилям Хожица. Должен напомнить, что политическое деление в Польше на пилсудчиков и «национальных» правых было крайне резким. Известно, что легионы Пилсудского были созданы вопреки мнению большинства, и затем это большинство впало в гнев, когда друг Пилсудского Габриэль Нарutowич был избран президентом Речи Посполитой голосами социалистов и иноверцев. Этот гнев довел до убийства президента в 1922 году. Чехович сам был пилсудчиком, и к лагерю «санации» — а дело было как раз после [произведенного Пилсудским] майского переворота 1926 года — принадлежали его покровители. Юлиуш Каден-Бандровский, хроникер легионов, печатал Чеховича в своем «Глосе правды литерацком». Вилям Хожица свел его с «Дрогой», редактором которой был теоретик «легионерского лагеря» Адам Скварчинский. При этом журнале было выпущено несколько сборников стихов поэта (тогда это было не так-то легко). Хожица раздобыл и какие-то деньги на поездку Чехови-

ча во Францию, а затем поручил ему редактировать «Пьон», в общем поддерживавший «санацию».

Об этих политических связях Чеховича в ПНР не писали по понятным причинам. Признаюсь, впрочем, что и я, когда писал о Чеховиче, обошел стороной эти дружеские связи, ибо «санация» проиграла, поддавшись после смерти Пилсудского как раз тому массовому нажиму, от какого отрецивдалась некогда легионерская песня («Не хотим уж от вас признанья...»). Вдобавок поражение государства в 1939 г. бросало тень на все так называемое «правление полковников». Эта негативная оценка, на мой взгляд, преувеличена, и добросовестность заставляет напомнить, на чьей стороне был Чехович. В конце концов, «легионерский лагерь» представлял добрую волю интеллигенции, стремившейся к независимости до 1914 г., той интеллигенции, против которой стояла сила национальной инерции.

Мою дружбу с Чеховичем характеризовали восхищение и уважение к старшему поэту, который в нашей юмористической ложе присвоил себе титул Императора Энциклопедии, меня назваив Страшным Братом, то есть надзирателем, видимо по причине моего упрямства. Ни в его счастливый период на Повислье, когда его квартира в Доме польского учительства притягивала к себе поэтов из знаменитой общей комнаты на Доброй, ни позднее, когда он жил на ул. Нарбутта, я не расспрашивал его о слишком личных делах, оставляя ему инициативу признаний. Его гомосексуализм в кругу друзей не подлежал обсуждению — все попросту принимали, что он живет со Стефанеком. Правда, в те времена такие сексуальные пристрастия нередко вызывали враждебность общественного мнения, и момент осознания своей инаковости, должно быть, был у него не легким, но мы об этом никогда не говорили. Он не принадлежал к несносному роду «геев», которые без устали гонятся за новыми приключениями, и его моногамная связь никому не вредила. Не говорили мы с ним и о его любовных стихах, в которых фигурировали женщины. Зато он часто возвращался к своему клейму, наследственному заболеванию. Как я тогда понимал, это были последствия сифилиса у его предков, вроде бы угроза слепоты, но теперь я думаю, что больше всего он боялся сумасшествия. Что, пожалуй, важно, так это то, что в его поэзии есть не только интенсивное предчувствие катастрофы, войны и собственной смерти, ибо одновременно он сражался со своей судьбой изо дня в день, считая себя человеком заклеяменным, постоянно на краю бездны. В соединении с его мягкостью и добродушным юмором это создавало особый ореол — как бы смирения и ласковой меланхолии. Тем не менее мы неплохо веселились в нашем кабинете на радио, где разгоняли скуку, со-

чиняя смешные стишки или высказывая заложить за воротник в «Деликатесы» на Маршалковской (пожалуй, первое такое со-единение гастронома и бара в Варшаве). Чехович, правда, был малопьющий, не могу себе его вообразить и с сигаретой — все-гда вижу его с толстой искривленной трубкой.

Из польской провинциальной бедности он выбрался благодаря самообразованию и безудержному чтению. Его любознатель-ность открывала всё новые явления и новых авторов. Он знал русский и украинский, позже особенно интересовался фран-цузской поэзией, хотя с французским языком был не в ладах. Он начал изучать английский и был, пожалуй, единственным литератором в Варшаве, который где-то достал «Критерион», элитарный журнал, издававшийся в Лондоне Т.С.Элиотом. Это-го поэта он вдобавок переводил первым в Польше (если не счи-тать профессора Вацлава Борового).

Я ценил его поэзию, потому что ее красота появлялась как-то вопреки логике и, я бы сказал, вопреки логике его развития как поэта. Я не очень-то понимаю, как могли родиться некоторые его стихотворения, те, которые можно назвать шедеврами. Хо-рошее мастерство обычно обеспечивает т.н. хороший уровень, но тут речь шла о чем-то большем, о дарах свыше, как будто для того, чтобы подтвердить тезис Томаса Манна о связи искусства с болезнью. Вероятно, поэтому вокруг Чеховича нарастала ле-генда, он становился, как говорят сегодня, культовым поэтом, которому подражало множество молодых, чьи имена ныне за-быты.

Друзьям была известна амбиция Чеховича: возглавить атаки молодежи на бастиины «Скамандра» и «Вядомостей литерац-ких». Он пробовал это с виленскими «Жагарами» и краковской «Линией», принимал участие в «Наезде Авангарда на Варшаву» в 1934 году. Как я уже упоминал, понятие авангарда было тогда довольно расплывчатым. Следовало искать другого названия для кристаллизирующейся новой плеяды, в которой он сам был уже старейшиной. Это произошло, когда он вступил в союз с начинающим критиком Людвиком Фриде и они вместе основа-ли журнал «Пюро». Фриде старался определить, что характери-зует поэзию нового поколения, не вмещающегося в прежние рамки, и называл имена: Юзеф Чехович, Анна Свирчинская, Станислав Пентак, Чеслав Милош, Ежи Загурский, Александр Рымкевич. Вышел только один номер журнала. Это происходи-ло уже перед самым сентябрем 1939 г., и весь тираж второго но-мера сгорел примерно тогда же, когда в люблинскую бомбежку 9 сентября погиб Юзеф Чехович.

О его поэзии много писали и много еще будут писать. Я сумел бы более или менее показать, откуда она вытекает, какие принимает притоки. Дело, однако, в том, что мне не особо хочется. В его творчестве я предпочел бы видеть драгоценную руду, из которой ему удалось выплавить и таинственным образом высечь несколько золотых предметов. И они будут жить так долго, как долго будет жить польский язык.

КАК СЛЕДУЕТ ДАТЬ ВЕЩИ — СЛОВО!

В тяжелые времена польско-русских политических — и геополитических — отношений, как это обычно бывает в тяжелые времена, русские переводчики непреклонно сохраняют верность польской литературе. Легион польских поэтов и прозаиков, удостоенных перевода в России, постоянно растет, а сделанное переводчиками создает куда более глубокую и обширную сферу диалога, чем сфера политических бурь и непогод.

Наталью Горбаневскую русскому читателю представлять не нужно. Видная современная поэтесса, активистка правозащитного движения, в августе 1968 г. участница знаменитой демонстрации на Красной площади против советского вторжения в Чехословакию, несколько десятков лет в эмиграции, в Париже, несколько лет гражданка Польши, с которой ее связала и борьба «за вашу и нашу свободу», и поэзия, — Горбаневская вложила немалый вклад в русско-польское сближение. Как автор переводов в парижском «Континенте» и член его редакции, как журналистка в прекрасном и весьма влиятельном еженедельнике «Русская мысль», она принадлежала к числу русских партнеров Ежи Гедройца и его «Культуры» — старшей сестры «Континента». Вместе с польскими создателями этого круга людей она приняла наследие межвоенного «Домика в Коломне» — литературного салона Дмитрия Философова, в эмиграции осевшего в Варшаве, где объединились польские и русские писатели, — и, как он, вошла в число тех русских, что связаны с польской жизнью и присутствуют в нашей культуре. Горбаневской принадлежат, в частности, переводы нескольких энциклик Иоанна Павла II, «Иного мира» Густава Герлинга-Грудзинского, огромного тома публицистики Юзефа Мацкевича, «Венгерского дневника» Ворошильского, многих других произведений польской прозы, но также грандиозный перевод «Поэтического трактата» Чеслава Милоша, с восхищением принятый русскими и польскими читателями. Его, в частности, с энтузиазмом рецензировал Станислав Баранчак, наградила своей премией «Культура», а Польский ПЕН-клуб тоже присудил Наталье Горбаневской премию за выдающиеся переводческие достижения.

С самого основания журнала «Новая Польша», выходящего в Варшаве с мыслью о русских читателях, Наталья Горбаневская печатает на его страницах свои переводы из польской поэзии — с преобладанием новейшей поэзии, в том числе и поэтов младших поколений. При этом не пренебрегает и классикой: от Норвида (мечту о переводе знаменитого его сборника она выразила в одном из своих стихотворений: «Мне ни грамоты, ни ордена, / На заплаты эта честь. / Но позволь мне, Боже, Норвида / «Vade tecum» перевести») до поэтов военного времени — Бачинского, Шленгеля. Нынешний сборник, суммирующий ее опыт в области перевода польской поэзии, открывается как раз стихотворениями Норвида*, а после нескольких образцов поэзии военных лет сосредотачивается на современной поэзии. Стихам обоих Нобелевских лауреатов, Шимборской и Милоша, сопутствуют принципиального значения — и, так сказать, исполнения — переводы из Анны Каменской, Збигнева Херберта, Ежи Фицовского, Ярослава Марека Рымкевича и более молодых поэтов, начиная с «новой волны» (дебютировавшей около 1968 года).

XX век начинается в рецензируемом сборнике особым стихотворением — это «Национальные цвета» Марии Павликовской-Ясножевской, великого классика современной польской поэзии. В этих русских словах о польском знамени, в этом верном, хотя деликатно повышающем тональность переводе нашей русской польки, первые стихи которого сокращенной формой прилагательных и характерным оборотом «ты... что называешься знамя» как будто отсылают к польскому языку, сдержанное величие силой нравственного обязательства соединяет трагическую память обоих народов:

Бело-кровава,

кроваво-бела, льняная

ты, повязка, что называешься знамя,

что одолела страшное кровотечение!

Ветер, свидетельство ран над нами вздымая,

бинт геройский разворачивает над нами,

эту память,

этот долг

и поучение.

Тот, кто мог бы быть адресатом вышеприведенного стихотворения, — в свои 23 года павший с оружием в руках в Варшавском восстании 1944 года Кшиштоф Камиль Бачинский (его второе имя — по второму имени Норвида!), легенда польского военного подполья, — представлен в сборнике Горбаневской одним стихотворением, которое в великолепном исполнении Эвы Демарчик давно стало в Польше популярной песней. Переводчица скрупулезно сохраняет метр и интонацию оригинала, но как будто попутно переносит его в иное измерение, придавая юношеским наивностям поэтическое величие. Это ощутимо уже в последнем стихе первой строфы. В то время как Бачинский типичным для своей юношеской риторики образом размыкает смысл намеренно неграмматическим оборотом: «*Taki deszcz kochasz, taki szelest strun, / deszcz — życiu zmiłowanie*» [два последних слова дословно можно перевести так: жизни (в дат. падеже) помилование] — Горбаневская этот смысл обостряет и углубляет: «Этот дождь любишь, этот шелест струн, / дождь — к миру милосердь»*. В поэтическом величии перевода конкретизируется всё, что в оригинале банально. Польский текст на вид звучит почти по-гимназически: «Дальние поезда идут еще дальше, без тебя. Что ж? Без тебя. Что ж? В сады вод, в озера печали, в листья, в аллеи стеклянных роз», Перевод раскрывает исторический горизонт стихотворения, завершенного в феврале 1943 г. и вписанного в историю Шоа — уничтожения польского еврейства (тема, которой Горбаневская уделяет много места и в переводах из Шленгеля и Милоша):

Идут эшелоны. Без тебя. Доколе?

До ранних рос? До первых гроз?

В леса воды, в озера скорби,

в листья, в сады стеклянных роз.

И уже не удивляет, что метафоры, которые, собственно, только эмоциональным напряжением подсказывают, что речь идет о войне, перевод приводит намного ближе к ужасающей реальности. Оригинал: «И то, что любовь, но не та, и то, что удар недостаточно болезнен, но только темный, как птичий крик, и то, что плач, но настолько телесный. И то, что вины безвозвратны, но одна вина всё призывает другую...» Перевод:

И то, что любим — как не любим,

и то, что пуля на излете

*и бьет не на смерть, а погубит,
и то, что плач, а весь из плоти.
И то, что нет вине прощенья
и что вина вину приводит...*

И, наконец, финал, который всем опытом русской поэзии тысячекратно перерастает формулировки оригинала:

*И дождь косою полосой,
как острой по сердцу косою,
и тенью скрыты, тенью смыты...
А я с мольбой, с любовью, с боем
выйду к бездонному истоку,
руки воздев под небо боем:
как пёс под хлыст пустых побоев.
Не убиенный, не любимый,
несовершенный, несерьезный...*

Это попросту прекрасные русские стихи. Горбаневская как правило отображает польский текст верно и творчески, а инструментарий русской поэзии нередко окрыляет оригинал, который, казалось бы, превзойти трудно. Это чувствуется даже в переводах из Милоша, хотя бы в «Балладе», посвященной Тадеушу Гайцы — другому поэту, ровеснику Бачинского, погибшему в Варшавском восстании (сам факт этого восстания оставался для русского читателя цензурной тайной до конца существования СССР):

*Под землю Гайцы, под землю,
Уж навеки двадцатидвухлетний.
И без глаз он, и без рук, без сердца,
Ни зимы не знает и ни лета.
...Под землю Гайцы — не узнает,
Что Варшава битву проиграла.*

Одновременно это, пожалуй, новый тон в русской поэзии. То же происходит и с переводом «Поэтического трактата». Благодарный того пример — не попавшая в обширную подборку фрагментов этой поэмы «песенка» о гетто*, по-русски теряющая в отношении сдержанности, зато обретающая добавочную глубину:

*Когда обмотают мне шею веревкой,
Когда мне дыханье отнимут веревкой,
Качнусь я по кругу, и кем же я буду?
Когда меня в ребра уколют фенолом,
Когда я шагнуть не смогу под уколом,
Какую ж я мудрость пророков добуду?
...В жестянку, в жестянку в такт песенке бил я,
И нет меня, нету, а там еще был я,
Где наша дорога свернула к застенку.
И в день покаяния, в день ли прощенья,
Быть может, откроют, откроют в защельи
Мой след, мой дневник, замурованный в стенку.*

Дословно верный перевод перенесен по-русски — и это естественно — в тональность, где слышен ужас народного причитания, не одной только конкретной национальности, но эхо, со дна Террора воскрешающее опыт всего человечества. Это выдающееся переводческое достижение.

Операция «окрыления» оригинала повторяется здесь чаще. Внезапным лирическим блеском чарует по-русски «Смерть птицы» Иеремии Пшиборы, который в 60-е годы был создателем по сей день не забытого «Кабаре пожилых господ»: «Птицы смерть / это смерть чуть-чуть / птицы смерть / это перышко сдуть / птицы смерть / для людского уха / четверть смерти / сто граммов пуха / малая смерть // (...) Птицы смерть / это капля крови / с твоею схожая / такая бездна / тот же порог / тревожных ворот / не пренебреги же / смертью птицы / не пренебреги».

Звучанием благородной поэзии поражают песни Кшиштофа Келюса и Яцека Качмарского, которых Горбаневская переводит

среди широкого круга поэтов, связанных с польской демократической оппозицией времен ПНР (прибавим сюда Анку Ковальскую, Баранчака и Крыницкого, а также стихи Томаша Яструна периода интернирования или лирику Петра Мицнера). Русского читателя, привыкшего к своим либеральным или диссидентским «шестидесятникам», удивит в этих стихах отсутствие риторики правого дела, индивидуальность переживания и скептической мысли и, наконец, не тонущий в хоре голосов тон личного достоинства. Так происходит в стихах Херберта или, например, Ежи Фицовского: «Он оказался в безвыходном положении // Он стоял у открытых дверей / и молча ломился в них / так плотно были открыты / что никто и не пробьется...» Это весьма заметно выражается даже у Ворошильского, по природе склонного к некоторой декларативности. Русский язык переводов Горбаневской становится как бы родным языком поэта в его стихотворении 1978 года: «В затягивающей трясине / наших глухих всedневных боен / в этой рутине в этой тине — / я еще не был так свободен // Где газ болотный гад ползучий / ползут и душат из колдобин / с губою рваной раной жгучей — / я еще не был так свободен».

Из стихов польских поэтов в стихию родного языка возвращается в этих переводах Осип Мандельштам. Будь то из «Улицы Мандельштама», заглавного стихотворения сборника Ярослава Марека Рымкевича (1981), выдающегося поэта, прозаика и переводчика стихов великого акмеиста:

*Где она эта улица Улицы этой нету
Топчут тропу рабочие валенками по снегу
Где она эта улица Знаем только мы трое
Там где как кольца ствольные кости под мерзлотою
...Там где он с Богом под руку выведен на прогулку
В полуистлевшем ватнике под щеголью погудку
Следом охранник тащится спотыкается пьяно
И разыгрался с Шубертом Бог на двух фортепьяно*

Или — уже в другой атмосфере (1987) — в «Воскресении Мандельштама» Яцека Качмарского — «барда «Солидарности»», как его позже назвали, поначалу бравшего себе за образец Высоцкого и Галича:

*По Архипелагу слух, как телеграмма,
Что, мол, выпускают Оську Мандельштама.*

Страшно удивился опер краснорожий:

«Как так выпускают? Мы ж его того же...»

Но генсек новейший отвечает: — Лапоть!

«Выпустить» сегодня значит «напечатать»!..

Хорошо, что эта книга напечатана у нас. И не только потому, что мы задолжали нашей русской подруге, но и потому, что те «фигуры слова», которые она придала нашим «фигурам мысли» (парафразируя терминологию ученой стилистики), многих русских и многих польских читателей могут изумить и поразить новым поворотом речи. Это как бы ответ на призыв Норвида из стихотворения, которым открывается его «Vade Mecum» — и книга избранных переводов Натальи Горбаневской:

Риторика! и Стихотворство!

Всех ваших чар всегда и снова

Превыше вечное упорство:

.....

Как следует дать вещи — слово!

Наталья Горбаневская. И тогда я влюбилась в чужие стихи... Избранные переводы из польской поэзии. Natalia Gorbaniewska. I wtedy pokochałam te wiersze obce... Wybor przekładów z poezji polskiej. Варшава—Краков, Изд во Национальной библиотеки, 2006. (Библиотека журнала «Новая Польша»). — Двухязычное издание.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Самым нашумевшим событием Варшавской международной книжной ярмарки стало изгнание Дэвида Ирвинга, британского историка, который в своих книгах неоднократно подвергал сомнению официальную историографию Катастрофы. «А ято думал, что в Польше есть демократия и свобода слова, — сказал Ирвинг. — Я встречаюсь с читателями во всем мире. Скажу коротко: это большой позор для поляков». Однако организаторы 52й книжной ярмарки были неумолимы. «Это наш долг перед миллионами жертв Холокоста», — сказал директор музея в Аушвице Петр Цивинский. К счастью, это было не единственное событие на ярмарке. В этом году ее почетным гостем была Украина, представившая множество новинок своей литературы, а давно известный и весьма ценимый на польском рынке Юрий Андрухович был одним из самых расхватываемых гостей. Из польских новинок на ярмарке был впервые представлен последний роман Мартина Светлицкого «Тринадцать». Этот детектив был признан одним из самых интересных явлений в польской литературе последнего времени.

• Показом «Канала» Анджея Вайды началось празднование 50летия польской школы кино. «Пожалуй, это был лучший период в истории польской кинематографии, — написано в проспекте Института киноискусства, напечатанном в преддверии юбилейных торжеств. — Относительная свобода после октября 1956 года дала выход скопившейся энергии, талантам и творческому энтузиазму. В течение всего нескольких лет были созданы такие фильмы, как «Пепел и алмаз» Анджея Вайды, «Эроика» Анджея Мунка, «Последний день лета» Тадеуша Конвицкого, «Мать Иоанна от ангелов» Ежи Кавалеровича, «Прощания» Войцеха Ежи Хаса. Фильмы этого течения награждались на крупнейших международных кинофестивалях (...) Благодаря им польское кино приобрело мировую известность». К этому списку следовало бы добавить еще несколько имен: писателя и сценариста Ежи Стефана Ставинского, а также режиссеров Казимежа Куца и Станислава Ружевица. И несколько слов комментария режиссера Филипа Байона, младшего коллеги создателей польской школы: «Польская школа — это также великая, универсальная тема,

которой мы покорили мир, — человек и Большая История в ироническитрагической трактовке. Каждый пытается что-то сделать, за что-нибудь бороться, а История и так показывает ему фигу».

• О сегодняшнем мире рассказывают фильмы, представленные в Варшаве на организованном уже в четвертый раз Фестивале мирового документального кино. «Planete Doc Review доказывает, что сегодня мировое документальное кино нашло себе обширную нишу, свободную от того, чего так опасался Кеслёвский: от телевизионных стандартов, давления очевидности, тенденциозности, спешки, преобладания информации над мыслью, — пишет Тадеуш Соболевский. — Представленные фильмы — это эссе, поэмы, семейные саги, а иногда личные исповеди, после которых трудно прийти в себя». «Мы ищем источники, которые рядом с нами, — говорит директор фестиваля Артур Либхарт. — Это наше послание. А единственное условие, которое мы предъявляем к фильмам, — это качество». В этом году героем фестиваля стал Вернер Райнер Херцог — в специальной ретроспективной программе было показано десять его документальных фильмов. Главную премию фестиваля завоевал фильм датской кинематографистки Розы Гронкьяер «Монастырь. Господин Виг и монахиня» — рассказ об эксцентричном датчанине, который решил основать в своем замке православный монастырь. Зрители признали лучшим фильмом «Мост» Эрика Стила, повествующий о самоубийцах, прыгающих с моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

• Prix Visionica — так называется новый телевизионный фестиваль, организованный во Вроцлаве Польским телевидением (ТВП), международным культурным каналом «Arte» и российским телеканалом «Культура». «Фестиваль напоминал программу хорошего цифрового телевидения — на нем было представлено столько всего одновременно, что участники были обречены на эквилибристику (...) как зрители, перескакивающие с одного канала на другой. Там было все — дискуссии интеллектуалов, попмузыка, театр телевидения, художественные фильмы, немного публицистики (...) Фестиваль ответил на вопрос о будущем телевидения: оно сохранится, если ему будет что предложить как людям, жаждущим духовной пищи, так и тем, кто просто хочет развлечься в субботний вечер. Тем более, что зачастую это одни и те же люди», — пишет Войцех Орлинский. Организаторы хотят, чтобы вроцлавский фестиваль мог сравниться с итальянским Prix Italia или швейцарскими «Розами Монтрё».

Первым лауреатом гранпри Visionica стал Пшемислав Войцешек за телевизионную постановку спектакля «Made in Poland».

• 3 мая новый тематический канал государственного телевидения ТВП «История» начал свое вещание со сведения счетов с Третьей Речью Посполитой (в передачах, которые вели историки Института национальной памяти) и с оценки царствования последнего польского короля Станислава Августа. Тем временем одним из главных пунктов программы исторического канала ТВН должен стать сериал «Гданьский вокзал», посвященный одной из самых горьких страниц истории послевоенной Польши, — еврейской эмиграции после событий 1968 года. Пока что был показан анонсирующий его репортаж Марии ЗмажКочанович, привлечший более полутора миллионов зрителей. «В фильме слово предоставляется нескольким из 20 тысяч уехавших, — пишет Тадеуш Соболевский. — Чтобы на минуту мы почувствовали то же, что и они. Чтобы мы сами оказались на этом вокзале и чтобы у нас перехватило дыхание так же, как у них, когда они рассказывают об этом в курортной атмосфере пляжа в Ашкелоне (...) Да, они могли не уезжать. Надо было только стерпеть травлю, допросы, увольнения или исключения из вузов (...) В этом фильме речь идет не об их мучениях. Речь идет о нас. О стране, которая на крутых поворотах истории с такой легкостью избавляется от «чужаков», уничтожает собственную интеллигенцию».

• «Гданьский вокзал» был одним из самых интересных фильмов на кинофестивале «Еврейские мотивы». «Главные темы фестиваля — это эмиграция и все еще не зарубцевавшиеся раны, связанные с 1968 годом, — пишет Павел Т. Фелис. — (...) Герои «Рахили на Гданьском вокзале» выбрали Швецию, потому что она была ближе всего. Они не хотели терять связь с Польшей». Именно с Гданьского вокзала отправлялся в те годы поезд «Фредерик Шопен», на котором уезжали в Вену польские евреи.

• В Варшаве на 80м году жизни умер Ежи Яницкий — писатель, сценарист, активист Общества друзей Львова. Его похороны на варшавском Повонзковском кладбище прошли под аккомпанемент музыки из сериалов «Польские дороги» и «Дом», а также львовских песен. «Он был мастером телесериала. Когда сегодня человек смотрит телевизор, он может только мечтать о таких фильмах, как «Польские дороги» или «Дом», — сказал на похоронах председатель Общества польских кинематографистов Яцек Бромский. — Кроме Львова

его большой любовью были Бещады. Но во Львове он знал каждый кирпичик».

- «Отмечая 250летие со дня рождения Войцеха Богуславского, мы хотим вспомнить человека, который своей деятельностью определил масштаб творческой и социальной ответственности польского театра, — сказал директор Театрального института Мацей Новак, объявляя о большом хэппенинге в варшавском Национальном театре, именуемом Богуславского своим отцом. — Чем он только не занимался — был драматургом, режиссером, директором театра, строителем, актером, оперным певцом, учителем актерского мастерства. Всесторонне одаренный директор Национального театра наметил программное направление этой сцены. Он хотел ставить актуальные, побуждающие к действию спектакли и играть их попольски». Добавим, что 250 лет назад, когда на сценах царили итальянский и французский, это вовсе не было очевидно.

- Человеком года «Газеты выборчей» стал митрополит Люблинский архиепископ Юзеф Жицинский. Премия была присуждена в 18ю годовщину со дня создания первой независимой газеты на постсоветском пространстве. В речи, произнесенной в здании «Агоры», где прошла церемония вручения, архиепископ, в частности, сказал: «С польской перспективы мы можем с удовлетворением и надеждой смотреть хотя бы на перемены в области диалога между народами, на дружеское сотрудничество между многочисленными центрами в Германии и Польше (...) Перемены эти заметны и в отношениях с нашими украинскими друзьями (...) Во многих областях я вижу, как создается новая ментальность нового поколения и с какой надеждой мы смотрим на те формы сотрудничества, которые уже стали фактом. Несомненно, в этом диалоге, в этом наведении мостов христианское видение человеческого достоинства, диалога между культурами, играет очень важную роль. Итак, мы можем с надеждой ожидать, что в наших контактах с Россией культурные и духовные ценности тоже окажутся сильнее политических трений». (Полностью речь архиепископа Юзефа Жицинского и похвальное слово проф. Барбары Скарги будут опубликованы в следующем номере «Новой Польши».)

- Выставка иностранных изданий книг Павла Хюлле и встреча переводчиков его прозы прошли в Гданьске в связи с 20летием со дня выхода в свет «Вайзера Давидека» — первого романа писателя. В Польшу приехали переводчики произведений

Хюлле из России, Голландии, Германии, Хорватии, Великобритании, Венгрии и Израиля. «Я была заморожена этим романом. В нем заключена тайна, попытка проникнуть в неведомое», — сказала Рената Шмидгалль из Германии. «Я смотрю на эту книгу так, как каждый взрослый человек смотрит на свое прошлое, — признался Хюлле. — С одной стороны, с симпатией, с другой — критически. Нет уже ни времени, ни возможности что-нибудь исправить».

- В Варшаве на 76м году жизни скончался Анджей Курyleвич. «Он был совершенно исключительной фигурой в нашем музыкальном мире, — написал музыкальный критик Павел Штомпке. — Он формировал польскую джазовую сцену, будучи ее первой звездой (...) основал Фонд современной музыки, для которого создавал иногда авангардные партитуры. Одновременно он писал вещи простые, но в то же время необычайно волнующие. Автор музыки к художественным фильмам, сериалам и телевизионным спектаклям был композитором, у которого огромный музыкальный талант сочетался с красивым подходом к жизни, исполненным духа романтизма и свободы. В своем искусстве он соединял множество талантов, был истинным музыкальным эрудитом (...) И хотя он написал сотни произведений, для меня он навсегда останется создателем простой, но полной славянской мудрости мелодии из сериала «Польские дороги»».

- В этом году на церемонии вручения премий Фонографической академии, называемых «Фредериками», главной героиней стала вокалистка Аня Домбровская. Она была номинирована в восьми категориях, а статуэтки получила в четырех, в т.ч. в категории «вокалистка года». Композиторского «Фредерика» удостоился Анджей Смолик. Премии получили также Катажина Носовская и Мацей Маленчук, а золотые «Фредерики» за творчество в целом были вручены Ирене Сантор и Яну Пташину Врублевскому.

- «Последний альбом Анны Марии Йопек восхитителен, — пишет Петр Ивицкий. — Вокалистка и ее муж Мартин Кудринский записали его за свои деньги, на свой страх и риск, с музыкантами, которые прежде им только снились (...) Понравится ли этот альбом слушателям, зависит от их вкуса, потому что Анну Марию Йопек можно любить или нет. Однако с музыкальной и технической точки зрения альбом «ID» — это шедевр. Пожалуй, в развлекательной музыке на берегах Вислы такого диска еще не было. Теперь вокалистка планирует мировую премьеру альбома и серию заграничных концертов».

- В познанском Национальном музее открылась ретроспективная выставка работ Томаша Тетерского «Томаш Тетерский. Картины и работы на бумаге, 1972-2007». «Тетерский представляет собой редкий пример художника, который начинал с живописи и на протяжении 30 лет остался ей верен, — пишет Ивона Торбицкая. — Со временем его работы приобрели характер художнических размышлений о живописи и сосредоточились на самом процессе создания картин».

- В той же Познани фурор произвела большая выставка работ из коллекции Гражины Кульчик, ставшей одним из крупнейших меценатов современного искусства. Гражина Кульчик заявила, что хочет показывать в Польше собрания известных коллекционеров со всего мира.

- «После 1989 г. [по Польше] прокатилась волна иконоборчества, — пишет Дорота Ярецкая. — Рухнули памятники, символизировавшие господство чужой власти (...) Вскоре мы узнаем подробности разработанного министерством культуры законопроекта о местах национальной памяти. Пока известно (...) что новый закон даст воеводам право ликвидировать памятники, являющиеся «свидетельством двух главных тоталитарных систем XX века — коммунизма и нацизма». Известно также, что он не коснется кладбищ. Неизвестно, как министр определит «свидетельство тоталитарной системы». Быть может, у него не возникнет с этим проблем. У меня возникают (...) Разрушение всегда имеет один результат: остается пустое место, а через год никто уже не помнит, что тут, собственно, стояло. Соответствующим образом описанное свидетельство тоталитарной системы часто бывает лучше, чем благоустроенная клумба с анютиными глазками (...) Каждое место имеет свое значение. Тут действует исторический контекст, окружение, эмоции людей, которые ежедневно смотрят на памятник. Закон ничего не изменит, кроме того, что легализирует иконоборчество, которое начиная с 90х годов и так стало в Польше государственной политикой».

- Уже давно поляки не чувствовали такого единства, как в тот момент, когда в недалеком Цюрихе Мишель Платини сообщил, что организаторами чемпионата Европы по футболу 2012 года будут Польша и Украина. Вероятно, в тот момент народный энтузиазм мог бы сдвинуть горы и преодолеть все препятствия. Хорошо бы воспользоваться им, пока он не иссяк, а поляки не начали снова ссориться и заниматься разрушением (не только памятников) вместо строительства.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я вернулся из Вены, где занимался главным образом современной польской литературой, и придумал такую комбинацию: опишу здесь дискуссии по актуальным вопросам нашей словесности, в особенности о профессионализме литературной критики (то, что я уже затрагивал в этих обзорах), а также о том, что связано с возвращением тематики авангарда. По первому из этих вопросов взял слово Михал Табачинский на страницах краковского культурного еженедельника «ха!арт» (2006, №25) в статье «Услуги населению, сервис человечеству», не лишенной иронии и говорящей о жизнеспособности метакритики. Немало высказываний по второму вопросу принес последний номер варшавского журнала «Литература на свете» (2006, №11-12), целиком посвященный явлению под названием «конкретная поэзия», — тут мое внимание остановили тексты «Переводчики — в отпуск!» Ежи Ярневича и «Подделаться под анонима» Петра Зоммера. Авангардными тенденциями занимается и последний номер ежеквартального журнала «Текстуалия» (2006, №4), посвященный таким модным явлениям, как метафикция и гипертекст.

Но ничего у меня не вышло. Восполняя пробелы в чтении, возникшие за время моего отсутствия, я опять убедился в том, как неверно мнение одного из главных идеологов польской правящей команды, провозгласившей возникновение Четвертой Речи Посполитой, — профессора Рышарда Легутко, который в свое время призывал творческую интеллигенцию перестать вмешиваться в политику и отправлял ее заниматься чем-то менее раздражительным для власти: на страницах газеты «Жечпосполита» он писал, что «существует жизнь вне политики». Может, и существует, но лишь тогда, когда политика перестает заниматься моей жизнью. Пока она это делает, мы не можем пренебрегать таким положением вещей, и я не особо люблю, чтобы кто-то за меня решал, что мне во благо. И вот после этой Вены — где я, кстати, «побывал» у своего любимого Босха — я снова попался в поставленный на меня капкан дискуссии о люстрации, т.е. предписанной журналистам и ученым обязанности писать заявления, чтобы доказать, что они не верблюд.

Может, меня это так и не втянуло бы, если бы не тот факт, что дело приобретает международную и даже, скажем смело, глобальную известность. Ибо всё, чем занимается Россия на политической арене, носит глобальный характер. И вот, представьте себе, я не без изумления вычитал, что Россия оказывает нажим на Евросоюз, чтобы тот занялся вопросом «нарушения прав человека», которое допускают польские власти, предписывая люстрацию, т.е. обязывая представителей некоторых профессиональных групп подписывать заявления, что они не сотрудничали с репрессивным аппаратом ПНР (или, наоборот, признавать, что сотрудничали). Ну, подумал я, ничего себе винегрет. Если уж российские власти беспокоятся о нарушении прав человека в Польше, то будет над чем посмеяться. И сразу прибавил: да пусть не беспокоятся, чёрт возьми, — из-за соломинки в чужом глазу не видят бревна в собственном. Насколько я знаю, в российской печати не так уж часто встретишь тексты, авторы которых прямо и откровенно выступают против принятых Государственной Думой законов.

В Польше такую критику встречаешь сплошь да рядом. Вот, например, профессор Ян Сродонь (и это лишь один из многих примеров) печатает на страницах «Газеты выборчей» (2007, №99) свое «Заявление» об обязанности люстрации. Сродонь работает в Институте геологических наук ПАН, за ним прекрасное оппозиционное прошлое. Вот что он пишет:

«Публично заявляю, что до решения Конституционного суда я люстрационного заявления не напишу и рассматриваю этот акт гражданского неповиновения как логическое следствие всего моего жизненного пути. Навязывая этот закон, польское государство вышло за рамки полномочий, которыми оно располагает по отношению к польским гражданам, поэтому нужно всеобщее сопротивление, чтобы это узаконение не стало прецедентом. (...) Вытаскивать на свет человеческие грехи, притом грехи давние, не входит в задачи государства. Поэтому люстрационный закон в его нынешнем виде я считаю вредным для польской демократии. (...) До сих пор польское государство не требовало от своих граждан подписывать заявления о том, что, например, они что-то украли или никогда ничего не украли. Я себе не представляю, чтобы сами авторы закона не понимали бессмысленности такого замысла. (...) Запрет на профессию за отказ подписать люстрационное заявление — это, ввиду несоразмерности вины и наказания, деяние на грани государственного терроризма. Во всей истории Польши я не нахожу аналогий такому узаконению».

Резко сказано. Интересно, что особенно радикальные формы гражданское неповиновение принимает в высказываниях представителей естественных наук — может, это дает повод задуматься. Но гуманитарии тоже не молчат. Один из самых выдающихся польских режиссеров, Кристиан Люпа, в большой статье «Это болезнь» на страницах «Тыгодника повсехного» (2007, №17) не оставляет сухой нитки на законе о люстрации. Приведем отрывки из его текста:

««Это болезнь», — сказал Лех Качинский о позиции академических кругов по вопросу об индивидуальной обязанности люстрации. (...) Если кому-то во время ссоры говорят: «Ты болен, поди полечись», — то в этом слышно презрение к «невменяемому», попытка лишить аргументы противника всякого веса. (...) Чем больше растет страсть к очищению снаружи, тем безнадежней закрываешься изнутри от возможности самопознания. Индивидуум как Авгиева конюшня, индивидуум как ящик Пандоры... Все эти проекты очищения, порнографически детальные, маниакально взлелеянные, содержат в себе императив, которым правит ницшеанский принцип удовольствия. Ибо за этим стоит какое-то удовольствие, какая-то почти сексуальная потребность. Достаточно посмотреть на архивы самых разных маньяков «очищения». То есть селекции, раскладывания по полочкам, иерархизации людей. Эти антропологические снимки, эти картотеки, этот научный механизм, механизм-монстр, сконструированный из законных, ура-патриотических и демократических деталей... Страсть тем более приятная, что автоматически воспринимается (самим собой, разумеется), как миссия. (...) Я должен написать, что не убивал ближних, что не воровал, что не истязал несовершеннолетних, что я ариец, что я гомосексуалист, что ростом я 191 см, что я... — и что там еще? Ибо властитель желает, чтобы я очистился, или сам хочет меня очистить... (...) Его воображению не поддается мысль, что больше всего он унижает людей, которые никогда с органами не сотрудничали. (...) Властитель с таким недостатком воображения не может быть зрелым лидером демократического государства».

Вынесем, однако, проблему демократии за скобки (если это возможно) и обратим внимание на другой аспект люстрации. Вот мы живем, с одной стороны, в мире институциональном, т.е. в мире политики, с другой — в мире ценностей. Существенным представляется вопрос, каким образом гармонизировать эти две сферы, которые, как это показал Софокл в «Антигоне», не всегда друг другу созвучны, и иногда это приводит к трагедиям. Отношение к люстрации в какой-то

степени входит в тот же круг вопросов, что весьма драматически показывает текст Кристиана Люпы (недаром автор — режиссер, притом, напоминая, выдающийся). Люпа пишет:

«А если заглянуть поглубже? Положим, что вступать в активное сотрудничество с органами ПНР — поступок, подлежащий моральному осуждению, грех и т.п. даже тогда, когда человек, вступивший в сотрудничество, был идейным коммунистом. Даже такого человека обязанность выдавать других людей на растерзание государству должна была надумать, что что-то тут не в порядке».

Вслед за этим верным суждением у Люпы возникают другие вопросы:

«Разве людям неопытным нельзя было верить в те идеи, в тот строй? Люди рождались в той действительности, росли и формировали свое мировоззрение (каково бы оно ни было) в самых разных ситуациях, обстоятельствах (...). Не всегда человек обязан пронести через всю жизнь то, в чем вырос и сформировался, — да откровенно говоря, так поступают только люди духовно несамостоятельные. (...) Вопрос: действительно ли от всех, кто жил, рос, формировался в ПНР, можно требовать критического и сознательного представления о действительности, то есть от всех ли в самом деле можно требовать, чтобы они свои контакты с ГБ — если таковые были — воспринимали сознательно, с полным пониманием всего, что за этим стоит? (...) Достаточно почитать Достоевского (человека, которого, кстати, по нынешним критериям оценки раз и навсегда отовсюду вычеркнули бы), чтобы вникнуть в тайники духовной перемены и понять еще одну, самую главную вещь: нередко люди, нравственно творческие и достигающие большой этической харизмы, обладающие волей и энергией «доброго дела», — это те, кто в прошлом «согрешил». (...) Есть ли у нас чувство отождествления с тем, чем был или бывал человек в моменты затмения, в моменты давления? Да это же так просто и очевидно, говорят те, кто никогда в жизни ни в чем не признавался и признаться неспособен, кто за собой не знает никаких грехов и заблуждений, хотя невооруженным глазом видно, что нравственная непреклонность им по меньшей мере не к лицу. Мы живем в этическом пространстве христианства, а там есть нечто, называемое тайной исповеди. Думаю, что это мудрая и нужная тайна, защищающая человека, который упал и хочет подняться — и не только в жизни подняться, но и в смысле нравственного обновления. Без охраны тайны исповеди грешник предан мирскому суду,

который редко позволяет ему возродиться. Чтобы исповедовать свои провинности «былых времен», нужно иметь доверие к исповеднику. Можно ли о чем-либо подобном говорить сегодня? Многие «грешники» умирали со своей тайной, но оставляли миру свои новые труды, труды своего возрождения, труды своего искупления. Я не могу смириться с моралью, изничтожающей людей. Не могу принять нормы, лишенные любви и понимания человеческих падений и заблуждений. Мир ПНР был особым лабиринтом, действительностью, заводящей в ловушки, и не всегда было личной заслугой не попасться в эти ловушки, и не всегда было личной виной в этих сетях запутаться. (...) Этот суд над былой совестью, которая по-прежнему носит наши имена, кажется мне чем-то постыдно примитивным... Это посев ненависти, это узурпация справедливости, народы платят за это трагедиями (...). Вышли ли мы из этой кошмарной действительности? Я все больше в этом сомневаюсь. Единственное, что может сделать человек мудрого и справедливого, — это сказать себе и другим: «У меня нет возможности, нет ни малейшего шанса это осудить!» И никакие документы с той стороны — со стороны аппаратов и аппаратчиков террора — ничего не изменят в этом состоянии сознания. Между тем перед мрачным застенком стоит новая гвардия очистителей, людей, которые не видят в себе никакой порчи или греха. И известно: если бы не (к счастью) уже достаточно прочная сеть демократии, то молодые заблуждающиеся снова входили бы в подворотни особых домов, в особые помещения, где снова должны были бы доносить на своих близких и снова подписывать какие-то бумаги...» Ибо — договорим за автора — цена оглашения правды неважна...

Многие, кстати, рассматривают подписание люстрационного заявления именно как принуждение — в ореоле закона — подписать «какую-то бумагу». В этом контексте неважно, каким будет вердикт Конституционного суда, оценивающий закон, который ввел эту самую подпись. Важно зато вести дискуссию — открытую и неподцензурную, а она же у нас и не подлежит цензуре! — по основополагающему вопросу: можно ли систему ценностей институционализировать? И следующий вопрос: можно ли и следует ли оценивать государственные институты в нравственных категориях? Ибо в действительности те, кто вступил в дискуссию о принципах люстрации в Польше, не того добиваются, чтобы люстрацию отвергнуть, — они спорят о том, как она должна проводиться, как следует относиться к документам органов, как их воспринимать, и, наконец, о том, чтобы каждый случай «греха», о котором пишет Люпа, рассматривать

индивидуально. Спор идет и о том, какой характер должны носить институты власти в Польше и какие отношения связывают политику с моралью: существующие польские традиции по-прежнему не позволяют отделить сферу политики от сферы этики.

Интересно, как обстоит дело в России. Я имею в виду вот что: я хотел бы понять, каким законным оправданием обладают российские власти, стремясь поставить на повестку дня Евросоюза польские хлопоты с люстрацией как вопрос нарушения прав человека в Польше. Хотел бы я знать и то еще, каковы у граждан Российской Федерации возможности таких открытых публичных выступлений против решений властей, как те, примеры которых я привел, цитируя польские тексты. Что ожидало бы автора, сказавшего о Путине, что он «не может быть зрелым лидером демократического государства»? И где в России он мог бы такое определение опубликовать? Я спрашиваю не без причины — речь идет не о том, согласен ли я с цитированными текстами, но о том, что, даже с ними не соглашаясь, я всегда выступал бы в защиту права на их публикацию. Запрещают это как правило те системы, в основу которых положен принцип институционализации ценностей.